

Глава IV. Народъ и Никонъ.

Любовь народа къ патріаршему сану и къ Никону. — Отзвы о Никонѣ его современниковъ— иностранцевъ. — Челобитная монаховъ Воскресенскаго монастыря о возвращеніи Никона. Похороны Никона. — Объясненіе любви народной къ патріаршему сану и къ Никону. Патріархъ — воплощеніе стремленій къ правдѣ. — Патріархъ — выраженіе устремленія къ святости и оцерковленію жизни. — Объясненіе любви народа къ Никону. — Строгость Никона къ духовенству объясняется стремленіемъ поднять духовенство до цѣлей высшихъ. Нищелюбіе Никона и участіе къ людскому горю, благотворительность. — Формы выраженія Никонскаго человѣколюбія помимо благотворительности. — Внѣшнее выраженіе любви къ Богу. Постройка монастырей. — Готовность и легкость Никона къ полному прощенію враговъ при ихъ покаяніи. — Объясненіе, почему Никонъ не могъ простить Митрополита Питирима и Царя. — Почитаніе Никона народомъ вызывается не только перечисленными его чертами, но и невиннымъ страданіемъ за Церковь. — Любовь Никона къ юродивымъ. — Стойкость Никона въ своихъ убѣжденіяхъ и неустрашимость. — У Никона чисто русскій подходъ къ православію. — Уходъ Никона въ Воскресенскій монастырь — выраженіе не бездѣтельности, а дѣятельности высшаго напряженія. — Идея грѣха — идея центральная въ міросозерцаніи Никона. Онъ расцѣпляетъ историческія событія съ религіозно-нравственной точки зрѣнія. — Пальмеръ объ осуществленіи Никонскихъ предсказаній и проклятій. — Никонъ, охраняя церковную культуру въ старой Руси, опережаетъ ее въ своемъ отношеніи къ образованію съ одной стороны и въ востановленіи святоотеческихъ идей съ другой. — Взгляды Аввакума на образованіе, на русскіе обряды, на греческое православіе. Критерій истины у него въ русскихъ современныхъ ему формахъ православія. — Отношеніе Никона къ русскимъ обрядамъ и чинамъ, до знакомства съ прѣзжими греками и послѣ. — Никонъ — сторонникъ вселенскаго православія не отождествляетъ Русскую Церковь со Вселенской. — Въ какомъ смыслѣ Никонъ хотѣлъ сдѣлать Москву III Римомъ. — Отношеніе Никона къ наукѣ. Его библіотека. — Любознательность Никона. Его дѣятельность по устройству монастырей и дѣятельнаго монашества. — Увлеченіе Никона всѣмъ греческимъ въ началѣ патріаршества и нападки на него старообрядцевъ. — Разочарованіе Никона въ греческихъ представителяхъ. — Никонъ взялъ съ Востока все, что ему не доставало. — Стремленіе Никона насаждать просвѣщеніе. — Поощреніе Никонемъ развитія церковнаго искусства. — Заботы Никона объ улучшеніи церковнаго пѣнія. — Отличіе Никона отъ Петра въ отношеніи къ западной культурѣ. — Любовь Никона къ отечественной исторіи. Завѣты Патріарха Никона. Его путь культуры. — Прообразъ Никона и его дѣла въ исторіи съ соловьемъ.

Любовь народа къ патріаршему сану и къ Никону.

Мы разсмотримъ потомъ разрушеніе въ государственномъ законодательствѣ о Церкви, произведенное Петромъ, а сейчасъ обратимъ вниманіе на фактъ, который можно усмотрѣть во всѣхъ изслѣдованіяхъ о Никонѣ; это — любовь къ нему народа. Въ любви этой надо различать двѣ вещи: санъ и личность. Поэтому мы разсмотримъ по возможности отдѣльно оба элемента и отдѣлимъ то общее, что дорого народу въ санѣ Патріарха, и что дорого въ личности самого Никона.

Что народъ любилъ Никона, тому мы имѣемъ много свидѣтельствъ. Такъ Павелъ Алеппскій (II, 71) пишетъ еще по дорогѣ въ Москву: „Мы видѣли во всѣхъ воеводахъ и другихъ вельможахъ, во всемъ духовенствѣ и во всѣхъ свѣтскихъ людяхъ Московскихъ постоянное выявленіе молитвы о благоденствіи ихъ Патріарха, похвалы за его добрыя качества, большую благодарность за его щедроты и самое довѣрчивое упованіе на его отеческое отношеніе. Упомянутіе о немъ всегда во всѣхъ устахъ, такъ что можно думать, что они его любятъ почти какъ Самого Христа". О любви народа къ Никону говоритъ и то обстоятельство, что Стенька Разинъ для привлеченія сто-

ронниковъ составилъ прокламацію отъ имени Никона, и на знаменахъ его были изображенія Патріарха Никона; хотя это и была недобросовѣстная эксплуатація его имени, однако показательно средство, которымъ Разинъ думалъ привлечь народъ. Когда Никонъ отошелъ въ Воскресенскій монастырь, то всѣ его разговоры съ посланными отъ Царя показываютъ, что въ Москвѣ было много духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, сочувствовавшихъ ему; но всякое сочувствіе къ Никону строго преслѣдовалось. И все же его посѣщали постоянно люди всякаго званія, вліятельные, именитые и простые и сообщали о всемъ происходившемъ въ Москвѣ, иногда чрезвычайно быстро (Гюббенеть 1, глава 2).

Такъ и въ 1662 г. Никонъ сразу узналъ, когда созванъ былъ Соборъ съ Лигаридомъ во главѣ по его дѣлу, что рѣшено было послать Іеродіакона Мелетія на Востокъ; Никонъ сразу же сообщилъ Царю, что Мелетій поддѣлыватель подписей; это было вѣрно, хотя предупрежденіе Никона и оказалось безрезультатнымъ. Такъ и въ 1665 г. Никонъ узналъ, что Лигаридъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ пріѣзжающимъ Патріархомъ Макаріемъ, и рѣшилъ написать исповѣдь свою Константинопольскому Патріарху. „У Никона, говоритъ Гюббенеть, были всюду преданные ему люди, и ему сообщалось о томъ, что дѣлалось въ Москвѣ и другихъ мѣстахъ" (II, гл. XI). Вѣдь, дѣло Зюзина открылось случайно, но былъ не одинъ Зюзинъ сторонникъ Никона. А о томъ, какъ преслѣдовалось общеніе съ Никономъ помимо правительства, видѣли мы неоднократно. Свидѣтельство любви къ Никону много у Шушерина. Такъ когда Никонъ, уѣзжая на судъ Патріарховъ въ послѣдній разъ изъ Воскресенскаго монастыря, велѣлъ остановиться у креста на горѣ Элеонской, чтобы послѣдній разъ взглянуть на Воскресенскій монастырь и проститься со всей провожавшей его братіей, то произошла трогательная сцена прощанія. „У креста Святѣйшій Патріархъ сотворилъ молитву, рассказываетъ Шушеринъ, (Житіе Святѣйшаго Патріарха Никона 91 стр.) и, сотворивъ молитву, повелѣлъ діакону прочитатъ имъ ектенію, и сотворше прошеніе за благочестиваго Царя и за весь его государсткій домъ т. е. за всю братію, и за всѣхъ христіанъ, и за миръ, и благословеніе и прощеніе братіи подавъ поиде въ путь свой. Братія же и всі православніи жителіе и трудники тоя обители, пріемше благословеніе и прощеніе неутѣшно плачущеса и ненадѣющеса видѣтъ паки отца своего". Мы видѣли, что нѣкоторые иноки изъ Воскресенскаго монастыря — 2 іеромонаха (Поллодіи),

2 ієродіакона (Іоасафъ и Мордарій) старецъ Флавіанъ, 2 бѣльца Клинскаго и Костромскаго уѣзда, ушли съ Никономъ въ добровольную ссылку, а изъ самого монастыря многократно присылали къ нему провизію для облегченія его тяготъ.

Когда Никона низвергли изъ сана, то сняли съ него его клобукъ и панагію, но мантии архіерейской и посоха не взяли, „страха ради всенароднаго“, добавляетъ Шушеринъ (стр. 128). А когда на другой день столпился народъ въ Кремль и вокругъ Кремля, то во избѣжаніе эксцесовъ народу обманно сказали, что повезутъ Никона черезъ Спасскія ворота, гдѣ и столпился народъ, а Никона повезли черезъ другія ворота на Старокаменный мостъ и оттолѣ въ Арбатскія ворота и за самый земляной градъ, провождающе его изъ града царскимъ повелѣніемъ, полковниковъ стрѣлецкихъ четверица, имѣюще съ собой 200 стрѣльцовъ; сущіи же со блаженнымъ отъ священниковъ и монаховъ иже восхотѣша съ нимъ идти, такоже и ини отъ мірскихъ мнози провожающе его изъ града со слезами и воплемъ великимъ; тѣхъ убо всѣхъ оныя воины окруживше окрестъ и уже въ среду ту никому же даяху внити" (Стр. 135). А дальше разсказывается „егда же блаженному Никону пришедшу до Сущевы слободы и повезоше его изъ града по пути по Димитровской дорогѣ, тогда и тѣи воины шедше внутри града отступиша, монаси же и мірскіе проводивши Св. Патріарха и даже за Сущеву слободу съ великимъ воплемъ и рыданіемъ, онъ же утѣшалъ ихъ и рече им много отъ Писанія, и тако благослови ихъ, предавъ всѣхъ благодати Божіей, и тако, приставници повезоша блаженнаго Никона съ великою дерзостію, тѣи же вельми его умильно взирающе и жаляще сіи яко лишишася своего пастыря возвратишася во градъ съ великимъ плачемъ, увѣдавшѣ же сіе и во градѣ яко Блаженный Никонъ уже изъ града увезенъ бытъ, вельми бяху скорбяще по своемъ отцѣ и пастырѣ". (Ів. 136 стр.). Выраженіемъ народной любви можно разсматривать и случай, происшедшій по дорогѣ въ Терапонтовъ монастырь около Мологи. По дорогѣ стрѣльцы разгоняли народъ, чтобы онъ не скоплялся около опальнаго Патріарха, и изъ тѣхъ избѣ, гдѣ останавливался Никонъ на ночлегъ, удалялись его обитатели. Но въ одномъ селеніи у Мологи къ Никону вышла изъ-подъ пола спрятавшаяся престарѣлая женщина и, спросивъ среди сидѣвшихъ съ Никономъ братій, гдѣ Никонъ, припала со слезами къ его ногамъ и сказала: „Явися во снѣ мужъ нѣкій благообразенъ, и рече ми: жено, се рабъ Мой Никонъ Патріархъ посланъ и идетъ въ заточеніе въ великомъ утѣсненіи и скудости, ты же

елико можеши въ потребныхъ ему помози; и сія оная жена изрече, заклиная себя клятвами яко въ истину тако есть, и тако вручи Св. Патріарху Никону денегъ серебряныхъ 20 рублевъ, къ сему же и одѣяній теплыхъ". Никонъ принялъ съ благодарностью и умиленіемъ эти подарки, отвергнувъ передъ тѣмъ за нѣсколько дней богатые царскіе дары. Никона искусственно оберегали отъ выраженія народной любви и любви его учениковъ. Такъ приставъ отгонялъ всѣхъ приходившихъ къ нему по пути, и даже, когда онъ проѣзжалъ мимо Афанасьевской обители, откуда вышла вся братія вмѣстѣ съ ученикомъ Никона, строителемъ Сергіемъ Прокофьевымъ, то онъ „съ великимъ прещеніемъ и яростію всѣхъ отгнѣ".

Память о Никонѣ сохранилась и послѣ его ухода и далеко за предѣлами его жительствова. Гетманъ Брюховецкій въ воззваніи къ казакамъ въ апрѣлѣ 1668 г. объяснилъ причину заточенія Никона и давалъ свою ему характеристику. „Бояре бо Московскіе раззоренныхъ вспомагаючи ляховъ, 14 милліоновъ денегъ дали и дружбу, которую съ ними вѣчно присягою установили не для чего иного, мнѣ мнитца, **только хотя выбитца изъ подъ царской руки, чтобы могли, аки въ Польшѣ** ляцкимъ побитомъ и городами владѣти: въ Польше бо сенатори **всѣ королями**, а одного за господина быти мало разумѣють; того ради всѣхъ неповинныхъ людей и начальника Богомъ даннаго къ нищетѣ и хлопотамъ приводятъ. Яко и сего времени тѣ Московскіе царьики на насъ бѣдныхъ невинныхъ, которые ему были добровольно безъ насилія поддалися, не для чего иного, только вѣдаючи его, православнаго Царя, **но бояръ безбожная мучительная злоба усовѣтовала присвоити себѣ въ вѣчную кабалу и неволю...** верховнѣйшаго пастыря своего **св. Отца Патріарха, который ихъ къ доброму дѣлу, яко пастырь провождалъ, они же не яко овцы пастыреви были, но его свершили, егда не хотя послушными заповѣди его быти, который поучалъ, чтобы имѣти милость и любовь къ ближнимъ, къ братіи своей се есть къ убогимъ и мірскимъ людямъ** (намекъ на бунты 1649 и 1662 г.), за таковое его глаголаніе въ заточеніе отдали, чтобы больше ихъ къ доброму дѣлу не наставлялъ и къ тому Св. Отець наставлялъ ихъ, чтобы чиномъ христіанскимъ, а не поганскимъ учреждалися, наипаче дабы не присовокуплялися къ латинской ереси, которая много Православію святому вредить". (Акты, относящіеся къ Исторіи Южной и Западной Россіи VII, 61). Память о незаслуженности расправы съ Никономъ сохранилась, и время отъ времени о себѣ напоминала. Такъ, во время

Астраханскаго бунта, въ 1670 г. 11 мая мятежная толпа позвала изъ Церкви Митрополита Іосифа во время проскомидіи. Онъ облачился и велѣлъ звонить въ колокола и вышелъ къ толпѣ. Казакъ Миронъ сказалъ, что они православные, и не могутъ наложить рукъ на такой священный санъ, но его тотчасъ убили и велѣли священникамъ разоблачить Митрополита. Низвергая его, кричали: „онъ не затруднялся низвергнуть даже своего Патріарха Никона" (Р. V 797).

Когда Никонъ былъ въ Оерапонтовомъ монастырѣ и открывалась возможность его посѣтить, то къ нему массами стекались подъ благословеніе съ подарками и деньгами, увеличивалось и число добровольно приходившихъ келейныхъ старцевъ (такъ въ 1669 г. ихъ было уже 10); они употреблялись имъ для посылокъ, дѣлили общую будничную жизнь, отправляли келейныя правила.

„Громадная масса православнаго народа, пишетъ Николаевскій, не посвященная въ церковныя споры и діалектическія тонкости, съ своей стороны давно составила и изрекла безхитростно замѣчательный отзывъ о Патріархѣ Никонѣ, какъ о святомъ и чудотворцѣ. Записи о чудесныхъ знаменіяхъ и исцѣленіяхъ при гробѣ Никона начались тотчасъ же по его кончинѣ. Записи чудесъ послѣдующаго и нынѣшняго времени вносятся въ особую книгу происшествій. Чудеса при гробѣ Патріарха Никона смущаютъ раскольниковъ и вліяютъ на переходъ ихъ въ Православіе. Масса народу, какъ при жизни приходила къ нему за благословеніемъ, милостыней и исцѣленіемъ въ болѣзняхъ, такъ и по смерти его до нынѣ стекается къ его могилѣ, служитъ по немъ панихиды и проситъ черезъ него у Бога помощи и исцѣленія въ своихъ душевныхъ и тѣлесныхъ скорбяхъ и нуждахъ. Въ этомъ всенародномъ почитаніи лучшая оцѣнка его пастырскихъ трудовъ и житіи его на патріаршемъ престолѣ, также въ ссылкѣ и заточеніи". (Николаевскій, „Жизнь Патріарха Никона въ ссылкѣ и заточеніи").

Большіе пожары въ Москвѣ въ 1668 г. жители разсматривали, какъ слѣдствіе низложенія Патріарха Никона и проклятій Никона. Польскій посоль писалъ въ Варшаву: „Въ Москвѣ опять былъ пожаръ, который уничтожилъ нѣсколько тысячъ домовъ и жители говорили, что частые пожары — слѣдствіе того, что великій князь низложилъ и сослалъ ихъ Патріарха, и были вслѣдствіе проклятій Патріарха Никона, вслѣдствіе чего они негодовали на великаго князя". (V, 906).

Отзывы о Никонѣ его современниковъ-иностранцевъ.

Иностранцы, современники Никона, ставили его также очень высоко: архидіаконъ **Сохе**, сопровождавшій лорда Герберта въ путешествіи въ Россію, напечатанномъ въ Лондонѣ въ 1792 г., даетъ сообщенія о Никонѣ по Мейерберу и по его современнику Мюллеру (Мейерберъ былъ въ Москвѣ въ 1661 г.). Онъ выставяетъ Никона, какъ челоѣка чрезвычайныхъ дарованій, просвѣщенія и добродѣтелей, какъ смѣлаго патріота и вѣрнѣйшаго совѣтника и слугу короны, паденіе котораго произошло по зависти и злобѣ придворныхъ, не могшихъ перенести его превосходства. Протестантъ діаконъ жалѣлъ только, что такой великій челоѣкъ предался жизни узкаго аскетизма, на что годится и всякій простой монахъ. Не входя въ оцѣнку церковныхъ принциповъ Никона, а только за его политическій обликъ, Сохе и, видимо, Мейерберъ, также не только оправдывали Никона противъ бояръ и короны, но и удивлялись ему, какъ герою (V прил. 15).

На бывшаго у насъ въ 1653 г. бывш. Патріарха Константинопольскаго **Афанасія Пателяра** Никонъ произвелъ самое глубокое и настолько сильное впечатлѣніе, что онъ заявилъ, что Никонъ предназначенъ занять кафедру древнихъ Константинопольскихъ святителей послѣ взятія Россіей Константинополя. Онъ писалъ Царю по поводу привоза главы Св. Григорія Богослова въ Москву въ докладной запискѣ, при отъѣздѣ: „Великій святильникъ и вселенскій пастырь и учитель Божественный Григорій Богословъ рачитель возсія Вселенскому Константинопольскому престолу и прииде да **призоветъ святаго премудраго Патріарха господина Никона воздвигнути его превысокій свой престоль**, исправляя время, понеже быти собору въ Македоніи; нынѣ же волею и **самохотѣніемъ** даетъ престоль свой **Святѣйшему Патріарху**, еже есть образъ добродѣтели, и **ко всѣмъ неусыпаемый хранитель словесныхъ овецъ**, и достоинъ есть украсити престоль начальствомъ и величествомъ своимъ, и обрече невѣста Божія, Святая Церковь своего жениха, да возсіяетъ въ міръ свѣтъ ученія его, да изыдетъ вѣщаніе и въ концы вселенныя глаголы его, и поставити свѣтильникъ на свѣтильникъ и возсіяетъ во всѣхъ домѣхъ мужъ, и яко быти первый Мельхиседекъ и дивный Ааронъ и яко Божественніи свѣтильницы вселенскіе: Василій и Златоустъ и Афанасій и Кирилль и Великій Григорій, иже прииде да поможетъ ему, и тогда возвеселится міръ, и воспоютъ людіе едиными усты; такову намъ подобаше Архіерею: преподобну, незлобиву, не-

скверну, и отлучену отъ грѣшныхъ и вышше небеси быти". (Изъ статьи Каптерева „Прїѣздъ бывш. Константинопольскаго Патріарха Афанасія въ Москву въ 1653 г.) А Епископъ **Лазарь Барановичъ**, изложивъ дѣянія Собора по дѣлу Никона говоритъ: „зрѣлище было изумительно для глазъ и ужасное для слуха. Я страдалъ и изнывалъ отъ ударовъ, переносилъ ужасъ, и упалъ духомъ, когда погасло великое свѣтило". Сама грамота **Константинопольскихъ Патріарховъ**, возстановливавшая Никона въ санѣ Патріарха, называла его: „Адамантъ благочестія непоколебимый, Божественныхъ и священныхъ канонѡвъ оберегатель преискуснѣйшій, отеческихъ догматъ, повелѣній и преданій неизрѣченный ревнитель и заступникъ достойнѣйшій".

Челобитная монаховъ Воскресенскаго монастыря о возвращеніи Никона. Похороны Никона.

А челобитная, поданная Царю монахами Воскресенскаго монастыря показываетъ, какъ цѣнили и любили Никона въ его монастырѣ, и чѣмъ онъ былъ для своей братіи.

Братія умоляетъ Царя вернуть Никона, какъ въ свое время вернулъ Царь Θεодосій Іоанна Златоуста отъ Команъ, и говоритъ о Никонѣ, какъ „о отцѣ нашемъ ибавльшу насъ отъ глада неслышанія Словесъ Божіихъ, и удовлившаго насъ насыщеніемъ Словесъ Божіихъ и удовлившаго насъ насыщеніемъ тучнаго тѣльца отъ Агнца, иже питающеса во вѣки не умирають, тѣмъ нынѣ молимъ, пишутъ иноки, твоего къ намъ благочестивѣйшаго нашего Государя Царя и великаго Θεодора Алексѣевича, благоподобное твое благоутробіе, помилуй насъ нищихъ своихъ богомольцевъ, подаждь Церкви исполненіе, приведя Кормчія кораблю, послѣ пастыря къ стаду, приставь главу къ тѣлу, хриstopодражательнаго нашего наставника, святого Никона, преведшаго насъ море міра, яко Моисея, повели да и землю обѣтованія, юже наслѣдствуетъ своимъ прещедрымъ богатодатнымъ подаяніемъ обильно, такожь да наслѣдствовать и намъ раздѣлить яко Іисусъ и Елеазаръ вѣдый всѣхъ, то по разсотрительному комуждо достойному приличеству, изведи изъ темницы душу его, яко и блаженнаго иногда Игнатія, Патріарха Царьградскаго изъ заточенія, повели свободити изъ Кириллова монастыря въ монастырь живоноснаго Воскресенія Христова, растушій днесъ въ высоту повсегоднаго прославленія, яко древо плодовито въ происходящихъ твоего богатодаровитаго и щедролюбезнаго изліянія насажденный и упокоеваемый, да и онъ съ нами купно твоихъ пребогатыхъ щедротъ насла-

дится и въ строгости возвеселится. Великій Государь, Царь смилуйся". Подъ челобитной 60 подписей братіи во главѣ со строителемъ и казначеемъ.

О томъ же расположеніи народа говорятъ и похороны Никона, происходившія 27 августа 1681 года еще до разрѣшенія его Восточными Патріархами, ибо сами просительныя грамоты Патріархамъ отъ Царя подписаны только 26 іюня 1681 года. Огромное стеченіе народа по пути слѣдованія тѣла Никона отъ Ярославля до Москвы тому доказательство. Его тѣло было одѣто въ схиму и положено въ дубовый гробъ. Оно было встрѣчаемо и провожаемо населеніемъ съ честію и любовію; народъ со слезами цѣловаль его гробъ, духовенство всѣхъ церквей и монастырей выходило къ нему навстрѣчу съ крестами и иконами и совершало паннихиды. Тѣло Никона отпѣвали по патріаршему чину духовенствомъ во главѣ съ Новгородскимъ Митрополитомъ Корниліемъ, которому Патріархъ Іоакимъ поручилъ исполнить волю Царя, а самъ онъ на это не соглашался. За одну версту до Воскресенскаго монастыря тѣло было переоблачено въ бѣлую греческую суконную одежду, ризу таусаннаго бархата и архіерейскую мантию съ источниками и скрижалями, украшенную золотомъ и дорогими камнями; надѣта яшмовая панагія, омофоръ и клобукъ.

Объясненіе любви народной къ патріаршему сану и къ Никону. Патріархъ — воплощеніе стремленій къ правдѣ.

Объясненіе любви къ Никону надо искать въ его санѣ и въ тѣхъ личныхъ его свойствахъ и качествахъ, которыя давали его сану особенно рельефное воплощеніе. Вѣдь, Патріархъ по народному воззрѣнію былъ блюстителемъ и представителемъ Божественной правды. Это стремленіе къ Божественной правдѣ было всегда присуще русскому народу и выражалось еще въ сказкѣ о правдѣ и кривдѣ, въ духовныхъ стихахъ, знающихъ различіе между правдой человѣческой и Божіей. Первая — это законъ какъ норма человѣческихъ отношеній, принятыхъ обычаемъ и верховной властью, правда, несовершенная, не могущая полностью освѣтить отдѣльный случай. Правда съ земли ушла на небо, и тамъ есть правда, которая „во вѣкъ не изживется. Она выражается черезъ заповѣди Божіи, законъ Евангелія, уставы церковные и черезъ того, кто призванъ быть по Эпанагогѣ живымъ образомъ Христа, живописующимъ правду и истину. Патріархъ — искоренитель всякой неправды „сирыхъ защитникъ, обидимыхъ предстатель. Онъ защитникъ вдовыхъ и

сиротъ передь Царемъ по праву печалованія, тому праву, которое болѣе всего являлось средствомъ дать восторжествовать правдѣ высшей надъ правдой человѣческой. Не даромъ народъ не любилъ патріарховъ „недерзновенныхъ къ царю" „потаковниковъ", не встававшихъ на защиту правды высшей противъ правды формальной. И Патріархъ Іосифъ, предшественникъ Никона, говорилъ Царю при перенесеніи мощей Патріарха Іова, указывая на массовое стеченіе народа: „смотри, государь, какъ должно за правду стоять". Святой Патріархъ Гермогенъ также отстаивалъ неоднократно царскую власть, какъ въ ея существованіи при Шуйскомъ, такъ и въ ея восстановленіи съ соотвѣтствующей ей идеологіей, когда противился избранію королевича польскаго Владислава, избраннаго боярской партіей. Патріархъ Филаретъ боролся съ взяточничествомъ бояръ и дьяковъ, и лѣтопись поминаетъ про него, что при немъ сильниковъ не было ни обидящаго, ни обидимаго. Патріархъ Никонъ сталъ дорогъ народу еще тогда, когда въ санѣ Новоспасскаго архимандрита онъ далъ наиболѣе напряженное выраженіе идеѣ печалованія передь Царемъ за невинно обиженныхъ и защитѣ слабыхъ отъ людей сильныхъ, и позже перешелъ въ память народа, какъ умученный неправедно за противодѣйствіе боярамъ, за обличеніе ихъ въ неправдахъ, вызвавшихъ бунты 1648, 1662 и 1670 г. Право на это обличеніе было установлено Церковью и государствомъ, и Патріархъ Никонъ самъ говорилъ: „намъ же Христось законоположилъ обличати", „мы же Архіереи на то и поставлены Богомъ", „Аще кто по правдѣ и царя обличить, нѣсть муки достоинъ". Никонъ въ „Раззореніи" напоминалъ: „Патріарху подобаетъ быть учительну, обличительну непокоряющихся, о истинѣ же и соблюденіи преданій правду глаголати передь Царемъ не стыдятся".

Внести эту высшую правду и освѣтить ею государственный бытъ было постоянной задачей Русской Церкви еще при Митрополитахъ, но ихъ санъ не стоялъ такъ высоко въ представленіи народа, какъ санъ Патріарха, и не былъ такъ близокъ къ сану царскому. Напротивъ, санъ Патріарха былъ дополненіемъ къ сану царскому, какъ помощь Царю въ проведеніи идеи правды въ гражданское общезжитіе. Народъ инстинктивно чувствовалъ, что Никонъ былъ не врагомъ царской власти, въ чемъ клеветали его бояре, а ея защитникомъ противъ боярства, толкавшаго Царя въ ту сферу, гдѣ высокіе идеалы царской власти заслонялись властолюбіемъ бояръ и ихъ ревностію о родовой чести, а государственныя задачи по щитѣ единоплеменныхъ,

единовѣрныхъ народовъ преломлялись черезъ боярскую косность. Никонъ вмѣстѣ съ Царемъ составили бы ту незыблемую твердыню и воплощеніе идеала царской власти, который Грозный Царь въ лучшія времена вліянія на него Митрополита Макарія ставилъ власти царской, ограждая Царя и народъ отъ бояръ съ одной стороны, а съ другой указывалъ на неразрывность идеи царской власти по осуществленію ея задачъ съ властью церковной. „Если по нерадѣнію вашему, говоритъ Грозный, обращаясь къ отцамъ Стоглавнаго Собора, — окажется какое нарушеніе Божественныхъ правилъ, я въ томъ непричастень, и вы дадите отвѣтъ передъ Богомъ. Если я вамъ буду сопротивлень вопреки Божественныхъ правилъ, вы о томъ не молчите; если буду преслушникомъ, воспретите мнѣ безъ всякаго страха, да жива будетъ моя душа, да непорочень будетъ православный христіанскій законъ и да славится Пресвятое Имя Отца и Сына и Святаго Духа". См.: Наша „Царская власть и законъ о престолонаслѣдіи" 61 стр.) Вотъ эту-то идею правды и призваны проводить Царь и Патріархъ, какъ священная Двоица, обращенная въ разныя стороны: Патріархъ, напоминающій объ идеалахъ, которые онъ почерпаетъ на небѣ, и Царь, воплощающій ихъ на землѣ.

Патріархъ — выраженіе устремленія къ святости и оцерковленію жизни.

Ради этого заданія воплощать правду и другое качество должно отличать Патріарха — святость; поскольку онъ является саномъ своимъ путеводной звѣздой въ сферѣ правды для Царя, постольку онъ всему царству сообщаетъ устремленіе къ святости. Истинная правда и святость выражаются въ православіи; центръ этого православія — Патріархъ, и въ немъ, какъ въ фокусѣ, сосредоточиваются русскимъ народомъ взгляды на величіе православія. Патріархъ долженъ дать защиту всѣмъ пострадавшимъ отъ несовершенства гражданскаго закона и отъ насилія властей и дать торжество правдѣ. Онъ Патріархъ — видимое осуществленіе идеала правды и святости на землѣ. Онъ „столпъ вѣры", „Кормчій Христова Корабля", „Высшій Учитель", какъ именуется въ официальныхъ рѣчахъ. Онъ и главный совѣтникъ Государя въ дѣлахъ законодательства и въ Боярской Думѣ, и въ Земскихъ Соборахъ, поскольку Государь самъ призывается не забывать о высшихъ интересахъ жизни. Насколько необходимымъ элементомъ жизни государства почитался Патріархъ, и чѣмъ онъ былъ и для Царя, видно изъ письма Царя Алексѣя Михайловича къ Никону, когда послѣдній еще въ санѣ Митрополита поѣхалъ на Соловки за мощами

Митрополита Филиппа. Онъ писалъ, что, когда на службѣ въ Великій Четвергъ онъ узналъ о смерти Патріарха Іосифа, то сразу почувствовалъ себя осиротѣвшимъ вмѣстѣ со всѣмъ своимъ дворомъ, ибо лишились общаго отца, и безъ опоры молитвенной Патріарха Іосифа, котораго онъ лично вообще не особенно любилъ, Царь почувствовалъ себя стоящимъ надъ пропастью.

Вотъ какъ онъ писалъ объ этомъ Никону: „Въ ту пору ударили въ Царь-колоколь трикраты, и на насъ такой страхъ и ужасъ нашель, едва пѣть стали и то со слезами; а въ соборѣ у пѣвчихъ и властей со страха и ужаса ноги подломились, потому что кто преставился? Да, къ такимъ днямъ великимъ кого мы грѣшные отбыли? Яко овцы безъ пастыря не вѣдаютъ, гдѣ дѣться, такъ то, мы грѣшные, не знаемъ гдѣ главы преклонити... а мати наша Соборная Апостольская Церковь вдовствуетъ, зѣло слезно и вельми сѣтуетъ по женихѣ своемъ; и какъ въ нее войти и посмотрѣть... Все перемѣнилось, не токмо въ церквахъ, но и во всемъ государствѣ; духовнымъ дѣламъ зѣло разсужденія нѣтъ, и худо безъ пастыря дѣтямъ жить”.

Царь настолько почиталъ Патріарха Іосифа, какъ Патріарха, что разъ даже поцѣловалъ его, кланяясь до земли, въ ногу. Здѣсь было преклоненіе не передъ личностью, а передъ высотой и святостью идеала, воплощаемаго въ санѣ.

Объясненіе любви народа къ Никону.

Эта любовь къ сану, которую за весь народъ возглавлялъ Царь, говорила не о чемъ другомъ, какъ о превознесеніи народомъ теократическаго идеала жизни, т. е. о присущей ему идеѣ воцерковленія жизни общественной и государственной. Если дорогъ былъ народу этотъ идеаль, то дорогъ былъ и Никонъ, какъ выразитель высшаго напряженія въ осуществленіи этого идеала. Если народъ выше всего ставилъ угожденіе Богу, и власть свѣтская считала своимъ призваніемъ содѣйствовать своими путями къ одной цѣли съ властью церковной, — способствовать единенію людей съ Богомъ, то, естественно, и высшій предстоятель Церкви пользовался высочайшимъ почитаніемъ, нисколько не унижавшимъ Царя. Не удивительно, что и на дворцовыхъ обѣдахъ, кубокъ вина подавался Патріарху — а до установленія патріаршества Митрополиту — Царемъ изъ собственныхъ рукъ, и Царь говорилъ: „Твой сынъ (имя) кланяется твоей святости и подноситъ тебѣ”. Если въ необыкновенно пышныхъ облаченіяхъ Никона, когда онъ предстоялъ на службахъ въ мантияхъ зеле-

наго и краснаго цвѣта, изукрашенныхъ сплошь драгоцѣнными камнями и въ митрахъ по греческому образцу, усыпанныхъ брилліантами и жемчугами, народъ видѣлъ воплощеніе своей оцѣнки воплощаемыхъ саномъ идеаловъ, то въ жизни самого Никона онъ видѣлъ воплощеніе идей христіанской любви, праведности и святости. А послѣ смерти Никона народъ почиталъ его, какъ святого, и къ молитваъ его обращался въ своихъ несчастіяхъ. Извѣстно, что при гробѣ Никона совершались чудеса, запись которымъ ведется въ особой книгѣ происшествій. О чудесахъ Никона при жизни сообщаетъ въ своей статьѣ „Дѣла Св. Никона Патріарха" извѣстный ученый, спеціалистъ по исторіи XVII вѣка въ Россіи Бѣлокуровъ (онъ насчитываетъ 132 исцѣленія Ч.М.О.И. и Д.Р. 1887), Рукописи Импер. Публ. Библ. (№ 01, 413 по сообщенію Митрополита Антонія) насчитываютъ 194 исцѣленія; Колосовъ въ Историческомъ Вѣстникѣ за 1880 г. извлекъ изъ сборника Импер. Публ. Библ. 4 сказанія, относящихся къ 1682, 1691¹, 1695 и 1705²). Списки Воскресенскаго монастыря идутъ послѣ 1705 года. Проф. Иконниковъ упоминаетъ объ исцѣленіи іеромонаха Николаевскаго Единовѣрческаго монастыря Павла 18 августа 1866 г. (Кіев. Унив. Изв. 1888, № 6).

У насъ случайно оказалось подъ рукой сообщеніе объ одномъ чудѣ Никона 27 февраля 1915 г., занесенное въ Апрѣльскую книжку за 1915 г. Журнала „Приходское Чтеніе.

Чудесное исцѣленіе у гробницы Патріарха Никона въ Ставропольскомъ Воскресенскомъ монастырѣ.

Крестьянка Тульской губерніи Веневскаго уѣзда, села и волости Серебрянны-Пруды, Наталія Ивановна Костылева, замужняя, 34 лѣтъ отъ роду, болѣе 11 лѣтъ страдала тяжелыми припадками, которые случались съ нею преимущественно въ храмѣ во время Богослуженій, или же у чудотворныхъ иконъ и св. мощей. Припадки сопровождались судорогами всего тѣла, біеніемъ объ полъ и теченіемъ крови и слюны изо рта, и сильнѣйшимъ сердцебіеніемъ. Большая посѣтила много монастырей, совѣтовалась у докторовъ, которые не признавали у нея никакой болѣзни, а называли ее кликушею.

Прибывъ въ Воскресенскій Ново-Іерусалимскій монастырь на богомолье 27-го февраля сего года, больная Костылева пожелала отслужить молебенъ у гроба Господня въ соборномъ храмѣ Воскресенія Христова. Очередной іеромонахъ Романъ началъ служить пасхальный молебенъ. Въ это время съ Костылевой сдѣлался сильнѣйшій припадокъ. Окружающія 3 женщины съ большимъ трудомъ могли удерживать ея голову, чтобы не дать ей биться объ полъ. Больная хрипѣла, изо рта текла пѣна съ кровію.

Окончивъ пасхальный молебенъ, больную Костылеву, по совѣту того же іеромонаха, перенесли къ гробницѣ Святѣйшаго Патріарха Никона, находящейся въ томъ же храмѣ подъ Голговою. Іеромонахъ Романъ началъ служить паннихиду; больная все время хрипѣла и изрѣдка говорила: „Охъ, жжетъ".

Во время пѣнія: „Со духи праведныхъ скончавшихся", больная сама поднялась и со слезами на глазахъ, обтеревъ ротъ отъ слюней и крови, сама поцѣловала вериги, висящія надъ гробницей Патріарха и громко сказала: „Онъ меня исцѣлилъ, теперь я здорова, желаю причаститься Св. Тайнъ".

Присутствовавшіе при совершеніи паннихиды и видѣвшіе Костылеву удивлены были такою быстрою переменю въ состояніи ея здоровья. Многіе плакали и вполне увѣрились въ чудодѣйственной помощи еще не прославленнаго на землѣ Святѣйшаго Патріарха, исцѣлившаго сію жену, вслѣдствіе глубокой ея вѣры.

¹ Исцѣленіе слѣпного сторожа 24 м 1691 г.

² Исцѣленіе сестры жены М. Стрешнева Маріи Васильевны 3 августа 1705 года.

На слѣдующій день, 28 февраля, получившая исцѣленіе была удостоена Святаго Причащенія, и, какъ она заявила, ранѣе ее съ большимъ трудомъ нѣсколько человекъ подводили къ Св. Чашѣ, а теперь она одна безъ посторонней помощи причастилась. Причашавшій ее іеромонахъ Діонисій свидѣтельствуеъ о полномъ спокойствіи и благоговѣннѣи, съ которыми она подходила къ Св. Чашѣ.

Нижепоименованныя лица могутъ удостовѣрить дѣйствительность этого чуда: Ярославской губ. Пошехонскаго уѣзда Холмовской волости, деревни Востротины Марфа Александрова, 58 лѣтъ, той же губерніи и уѣзда, деревни Холмъ, Ирина Хранова, 35 лѣтъ: той же губерніи и уѣзда, деревни Плешова, Матрена Коршунова, 49 лѣтъ; указанный (?) послушникъ Воскресенскаго монастыря Василій Шелаевъ, іеромонахъ Романъ и іеромонахъ Діонисій. Воскресенскаго Ново-Іерусалимскаго монастыря поспѣшникъ, архимандритъ Іона. (Изъ журнала: „Приходское Чтеніе" № 14 апрѣль 1915 года, стр. 494).

Считаю своимъ долгомъ упомянуть, что на чудотворенія при гробницѣ Св. Патріарха Никона особое вниманіе автора привлекъ священной памяти Блаженнѣйшій Митрополитъ Антоній, выразившій надежду, что по возстановленіи Россіи Русская Церковь канонизируетъ Св. Патріарха Никона.

Строгость Никона къ духовенству объясняется стремленіемъ поднять духовенство до цѣлей высшихъ.

Если мы припомнимъ строгія наказанія отъ Никона духовенству, то въ этомъ можемъ видѣть лишь проявленіе горячаго его усердія по перевоспитанію нравовъ въ духовенствѣ, почему онъ предъявлялъ къ нему высокія требованія, видя въ немъ соль земли. Оно должно быть образцомъ жизни и ученія, и его сниженія до уровня окружающей среды Никонъ строго каралъ тѣми же мѣрами, которыя были мѣрами его эпохи: для архипастырскаго воздѣйствія каждый епархіальный Архіерей имѣлъ тюрьмы, и мы видѣли, что и самъ Царь приговаривалъ своихъ бояръ къ сѣченію кнутомъ на площади. Какія же иныя мѣры могъ для устрашенія принять Никонъ въ огрубѣлой средѣ низшаго духовенства. Но цѣль его была всегда одна — исправленіе самого духовенства для цѣлей высшихъ. И когда его упрекали, что онъ самъ въ алтарѣ наказывалъ за неисправность, то онъ говорилъ: „Что жъ наказывалъ и ругалъ по малу и впредь не избѣгаю того дѣлать", напоминая при этомъ, что и Самъ Христосъ кнутомъ выгонялъ торжниковъ ихъ Храма.

Нищелюбіе Никона и участіе къ людскому горю, благотворительность.

Мы не можемъ забыть любвеобилія Никона, когда онъ — Патріархъ умывалъ ноги нищимъ послѣ торжественныхъ обѣдовъ во дворцѣ, что его нищелюбіе и участіе къ людскому горю выявилось въ формѣ непрерывной и даже организованной благотворительности еще въ бытность его Новгородскимъ Митрополитомъ. А извѣстно, что эти черты всегда особенно были любимы народомъ. Никонъ придавалъ главное значеніе въ жизни праведности передъ Богомъ. Вотъ его цитата изъ Златоуста (I, 530): „тотъ, кто дѣлаеъ волю Божию,

болѣ цѣнень, чѣмъ десять тысячъ нарушителей. Потому то все въ безпорядкѣ, все перевернуто вверхъ дномъ, ибо, какъ въ театрѣ, мы желаемъ имѣть просто толпу, а не толпу хорошо тренированную. Какая польза отъ толпы? Хочешь ли узнать, что дѣйствительные люди суть святые, а не многіе? Выведи на бой миллионъ людей и одного святого и посмотримъ, кто сдѣлаетъ больше. Иисусъ Навинъ пошелъ на войну и одинъ добился успѣха; остальные были лишь прибавкой; какъ бы ни было велико множество, если оно не дѣлаетъ воли Божіей, оно — ничто". Даже враги Никона должны были хоть и съ горечью сознаваться, что народъ любилъ Никона. Самъ Аввакумъ говорилъ: „а міръ то слѣпой хвалить". Никонъ былъ величественъ въ Богослуженіи, учителень, аскетъ, ревнитель правды. Благодетельность свою онъ вознесъ на степень обширнаго учрежденія. Еще въ Новгородѣ онъ прославился этимъ. Онъ всегда выходилъ съ кошелькомъ и нерѣдко прямо изъ храма шелъ по домамъ убогихъ и по темницамъ со словомъ утѣшенія. Во время голода онъ учредилъ постоянную ежедневную раздачу хлѣбомъ, а по воскресеньямъ и деньгами. Въ виду стеченія народа онъ отдѣлилъ въ своемъ домѣ особую комнату и питалъ ежедневно 100—300 человекъ. Также въ Москвѣ онъ не забылъ тѣхъ, кто страдалъ отъ бѣдности, безпомощной старости и сиротства. Шушеринъ говоритъ, что онъ въ санѣ Патріарха не измѣнилъ своего благого нрава. Расходныя книги Патріаршаго Приказа свидѣтельствуютъ, что никто изъ Патріарховъ не дѣлалъ столько пособія нуждающимся и милостыни нищимъ, какъ Никонъ, говоритъ Михайловскій, прибавляя: „Вотъ для чего нужны были Никону богатства". Для престарѣлыхъ и увѣчныхъ Никонъ еще Митрополитомъ устроилъ въ Новгородѣ 4 богадѣльни, попросилъ у Царя содержанія у нихъ и имѣлъ ихъ подъ своимъ покровительствомъ. Также и въ Москвѣ Патріархомъ онъ устроилъ богадѣльни и смотрѣлъ за призрѣніемъ нищихъ. Въ большіе праздники и дни поминовенія Государя обыкновенно на патріаршемъ дворѣ раздавали значительную милостыню нищимъ, и въ день каѳедральнаго праздника Успенія при патріаршемъ домѣ питалось до 2.500 человекъ. На иждивеніи Патріаршаго Казеннаго Приказа содержались богадѣльни въ разныхъ частяхъ города и назывались домовыми богадѣльнями Патріарха. Никонъ устроилъ 2 новыхъ богадѣльни при Знаменскомъ монастырѣ и у Никитскихъ воротъ.

Его собственная домашняя жизнь въ бытность уже митрополитомъ отличалась полной простотой, и въ статьѣ проф. Николаевского

„о перенесеніи мощей святителя Филиппа изъ Соловецкаго монастыря" (Хр. Чт. 1885 г.) цитируются помѣтки расходовъ на его обиходъ: „Дано на столъ Митрополиту на грибы 6 денегъ, на хлѣбъ, калачи и хрѣнъ 6 денегъ", или „на хлѣбъ и хрѣнъ 4 деньги". Когда Никонъ былъ въ пути, напримѣръ, въ Соловки за мощами Св. Филиппа, то за нимъ вмѣстѣ слѣдовала его строгость въ собственномъ обиходѣ и большіе расходы на благотворительность. „Непрерывныя богослуженія, келейныя правила, пишетъ проф. Николаевскій, строгіе посты, благотворительная дѣятельность были неизмѣнными его спутниками".

Формы выраженія Никоновскаго человѣколюбія помимо благотворительности.

Не только черезъ благотворительность, но и черезъ иныя формы заботы ближнемъ выражалось человѣколюбіе Никона. Въ V томѣ Исторической Библіотеки собрана переписка Никона съ архимандритомъ Иверскаго монастыря касательно постройки храма и монастыря. На протяженіи 1654-1666 года неизмѣнная заботливость, чтобы при постройкахъ не притѣснялись рабочіе, чтобы имъ во время выдавалось жалованіе, чтобы ихъ не прижимали при выдачѣ продуктовъ или орудій мастерства. Также имѣется масса распоряженій Никона, чтобы прикащики въ монастырскихъ имѣніяхъ дѣлали льготы по случаю пожаровъ или недорода при взысканіи повинностей и ихъ отсрочивали до лучшихъ временъ или совсѣмъ слагали. Такъ грамота № 141 къ архимандриту Филофею отъ 26 мая 1661 г. даетъ льготы въ оброкахъ по случаю наводненія и неурожая крестьянамъ Околорусскихъ погостовъ. Въ грамотѣ № 228 отъ 21 января 1666 г. архимандриту Филофею распоряженіе не высылать въ Воскресенскій монастырь погорѣвшихъ каменщиковъ и выслать другихъ вмѣсто нихъ. Ихъ велѣно щадить ради пожарнаго времени, ради ихъ скудости и двороваго строенія. Такъ въ августѣ 1666 года Никонъ освобождаетъ нѣсколькихъ крестьянъ отъ работы въ виду потери въ семьѣ двухъ братьевъ. Грамота за № 418 къ казначею Иверскаго монастыря Гурію Хрипунову о соблюденіи мирныхъ отношеній къ архимандриту и прочей братіи приказываетъ не корыстоваться при продажѣ работникамъ топоровъ, лаптей и другихъ вещей (отъ 1 апр. 1654 г.). Такихъ грамотъ цѣлая масса, мы привели только отдѣльные примѣры. Иногда грамоты касаются отдѣльныхъ лицъ, иногда общихъ условій найма и отношенія. Такъ въ одной грамотѣ Никонъ пишетъ архимандриту Іакову Иверскаго монастыря: „Скорбятъ крестьяне и плотники:

могарца мало даешь: и тебѣ бы отнюдь не оскорблять наймомъ никакихъ наймитовъ и даромъ бы немного нудить. Бога ради будь милостивъ къ братіи и крестьянамъ и ко всѣмъ, живущимъ въ обители той". То же проявленіе любви къ ближнему у Никона и тогда, когда онъ самъ живетъ въ невзгодѣ.

Никонъ не переставалъ заботиться о ближнихъ и тогда, когда онъ самъ переживалъ тягостныя утѣсненія своей участи, въ ссылкѣ, отъ Наумова, и въ 1672 г. благодарить Царя за освобожденіе его племянника и иныхъ людей, заключенныхъ за службу ему — Никону; онъ проситъ, чтобы Царь простилъ и всѣхъ сосланныхъ изъ-за него по разнымъ мѣстамъ и при этомъ перечислилъ своихъ сторонниковъ: „Буде Афанасій, Митрополитъ Иконійскій, священникъ Сысой и Никита Зюзинъ, да крестникъ его Діонисій Нѣмчинъ, который посланъ въ Казань, да пѣвчій Савва, да поварь его Савка, посланный въ Сибирь, изъ ссылокъ не освобождены, то великій Государь указалъ бы имъ милость, какъ ему Богъ извѣститъ". (Выписка изъ донесеній Лопухина, представленная Царю 11 іюня 1672 г. въ государственномъ архивѣ, приведенная проф. Николаевскимъ").

Заботился Никонъ о другихъ и тогда, когда онъ жилъ въ Воскресенскомъ монастырѣ. До насъ дошли письма Никона къ Зюзину, одно отъ 15-ХІІ 1659 г., другое отъ 6-ІХ 1661 г.; въ одномъ онъ проситъ за гостя Новгородскаго, освободить отъ неправильной конфискаціи его мѣди, происшедшей по недоразумѣнію, и вспомнить объ его заслугахъ по усмиренію бунта, а въ другомъ проситъ объ освобожденіи отъ военной службы по болѣзни нѣкоего Феодота Растопчина по тѣлесной слабости. Возможности Никона въ ходатайствахъ за другихъ ослабѣли только въ связи съ его собственной опалой, но они никогда не прекращались.

Вотъ что пишетъ профессоръ Николаевскій о томъ періодѣ 1671—1674 г. жизни въ Отрапонтномъ монастырѣ, когда Никону дали свободу: „Съ облегченіемъ участи Никона къ нему стали пріѣзжать посторонніе, даже издалека за благословеніемъ, совѣтомъ, наставленіемъ, или для того, чтобы его навѣститъ и помочь, то за помощью въ болѣзняхъ. Обширная его благотворительность во времена могущества сократилась въ объемѣ, но не уничтожилась; онъ и теперь раздавалъ деньги бѣднымъ; онъ и теперь начинаетъ лѣчить больныхъ; помощь его больнымъ дѣлается извѣстной, закрѣпляетъ за нимъ славу добраго цѣлителя, привлекаетъ больныхъ съ дальнихъ мѣстъ; за одинъ день къ нему собирается болѣе 40 человѣкъ".

Внѣшнее выраженіе любви къ Богу. Постройка монастырей.

Никонъ привлекалъ сердца своей паствы не только выраженіемъ непосредственной заботливости о человѣческихъ нуждахъ, но и выраженіемъ своей любви къ Богу черезъ сооруженіе трехъ замѣчательныхъ монастырей, изъ которыхъ каждый выражалъ свою особую идею. Первый, начатый имъ, монастырь Иверскій созданъ въ честь чудотворной Иверской иконы Богоматери по образцу Иверскаго монастыря на Аѳонѣ, служившаго центромъ православія, образцомъ монашескихъ подвиговъ. Тамъ было положено основаніе ученому братству которое занималось переводами св. книгъ и имѣло въ распоряженіи типографію. Монастырь Воскресенскій имѣлъ въ виду быть воспроизведеніемъ святыхъ мѣстъ Іерусалимскихъ и храма при гробѣ Господнемъ. Русская Церковь сама должна быть полной сокровищницей главныхъ святыхъ и давать удовлетвореніе не могущимъ посѣтить святыхъ мѣста въ самомъ Іерусалимѣ. Крестный монастырь напоминалъ о всеспасительной силѣ Господняго креста, вѣрой въ который спасся и Никонъ во время бури. Патріархъ Никонъ особенно почиталъ Св. Филиппа и въ честь его построилъ церковь въ Иверскомъ Валдайскомъ монастырѣ и въ честь его Ангела Апостола Филиппа построилъ церковь на патріаршемъ дворѣ въ Москвѣ. Перенесеніе его мощей было внушено Царю Никономъ, когда Никонъ присутствовалъ на открытіи мощей Святого Саввы Сторожевскаго, ученика Преподобнаго Сергія Радонежскаго, причисленнаго къ лику святыхъ на Соборѣ 1549 г. Черезъ мѣсяць же на Соборѣ было рѣшено и перенесеніе мощей въ Успенскій соборъ и Святого Митрополита Филиппа и Патріарховъ Іова и Гермогена. Всѣ трое были защитниками Церкви и государственности, и въ усиленіи ихъ прославленія можно было видѣть желаніе подчеркнуть значеніе первосвятительскаго сана и Церкви въ борьбѣ за государственность въ лицѣ Іова, усугубленной борьбой за національность въ лицѣ Патріарха Гермогена, и за высшую правду, которую отстаивалъ Св. Филиппъ, противъ излишествъ опричнины.

Готовность и легкость Никона къ полному прощенію враговъ при ихъ покаяніи.

Никонъ былъ великодушенъ въ прощеніи, когда обидчикъ сознавалъ свою вину. Мы знаемъ, что онъ со слезами простилъ Неронова и объяснилъ ему свою горячность въ дѣлѣ Церкви. Когда тотъ говорилъ ему, что отъ него — Никона всѣмъ страхъ, а что его первосвятительское дѣло — Христу Спасителю подражать и Его святой

кротости, то Никонъ сказаль ему: „Не могу, батюшка, терпѣть". Когда Нероновъ узналь, что Никонъ дѣйствовалъ по согласію съ Вселенскими Патріархами, то онъ сказаль ему: „Если ты по согласію съ ними поступаль, я тому не противень". Профессоръ Знаменскій въ своемъ сочиненіи „Иванъ Нероновъ" пишетъ: „Никонъ приняль благосклонно это покаянiе, какъ большая часть людей съ сильной, непосредственной натурой, онъ рѣзко проявляль свою силу надъ слушниками и противниками, но тотчасъ удовлетворялся и забываль все, какъ скоро они приносили свои вины и изъявляли свою покорность. Онъ приблизиль Неронова, поселиль его на Троицкомъ подворьѣ для близости къ патріаршему дому, далъ ему особую келью жить на свободѣ. Никонъ посылаль ему блюда съ своего стола и каждый день бесѣдовалъ съ нимъ". Нероновъ сумѣль даже возбудить сожалѣніе Никона, и тотъ терпѣливо выслушиваль его жалобы. А когда Нероновъ упрекнуль Никона, зачѣмъ онъ приняль святительскій санъ, если у него нѣтъ терпѣнія, то Никонъ сказаль: „на ка возьми, почитай ка" и передалъ Неронову цѣлую груду челобитныхъ противъ Неронова, которыя онъ оставиль безъ послѣдствій, хотя за нихъ Нероновъ могъ весьма пострадать. Никонъ простиль охотно боярина Морозова (IV, 318), испросившаго черезъ Царя у него передъ смертью прощенія, и даже предлагаль его похоронить въ Воскресенскомъ монастырѣ. Хотя Никонъ и отвѣтилъ, что онъ не зналь никакой вины Морозова передъ собой, но все же Морозовъ сознаваль, что многіе враги Никона были его ставленники — и Милославскій, и Хитрово. Также охотно простиль Никонъ весной 1665 г., снявъ анаѣматствованіе со Стрешнева, противъ котораго писалъ „Раззореніе" и котораго анаѣматствовалъ за наученіе собаки патріаршему благословенію, такъ какъ послѣдній испросиль у него прощенія за 1 ½ года до смерти своей.

Объясненіе, почему Никонъ не могъ простить Митрополита Питирима и Царя.

Но онъ никогда не снималь анаѣмы съ Митрополита Питирима, ибо здѣсь былъ затронуть цѣлый рядъ принципiальныхъ каноническихъ вопросовъ и, главное, совершено было облюбодѣйствованіе патріаршей каѣдры по приказу Царя черезъ неупоминаніе имени Патріарха Никона и черезъ самостоятельный, безъ его вѣдома, захватъ церковнаго управленія въ свои руки. Къ тому же Митрополитъ Питиримъ никогда не покаялся. Не далъ Никонъ прощенія полного и Царю Алексѣю Михайловичу, ибо Царь не ликвидироваль нечести-

ваго суда надъ Никономъ и оставилъ нечестиво заточеннаго, по его собственной винѣ въ значительной степени, Патріарха въ заточеніи, не измѣнивъ того цезарепапистскаго курса своей политики, на который Царь всталъ подъ давленіемъ бояръ. Но многія обиды себѣ лично Никонъ простилъ Царю, и за свои обиды Царю просилъ у него прощенія. Изъ обзора этихъ прощеній видно, что Никонъ былъ великодушный и отзывчивый человекъ, вовсе не мстительный и незлопамятный, что самое прощеніе у него легко могло быть получено дѣйствительнымъ покаяніемъ на дѣлѣ, но что онъ былъ неумолимъ въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ выступалъ въ защиту за права Церкви и не видѣлъ покаянія, какъ въ случаѣ съ Митрополитомъ Пителимомъ, или, если считалъ, что покаяніе не доказано дѣломъ, какъ на примѣръ у Царя, лично просившаго прощенія у Никона, посылавшаго ему дары, но не совершившаго главнаго — отмѣны, хотя бы черезъ Патріарховъ, несправедливаго приговора надъ Никономъ, какъ условія для полученія прощенія подъ епитрахилью. Нарушенная Царемъ и боярами клятва 22 іюля 1652 г. оставалась нарушенной, и наказаніе Никона за то, что онъ реагировалъ уходомъ на клятвopреступленіе, было высшимъ нечестіемъ, употребленіемъ силы матеріальной противъ правды.

Почитаніе Никона народомъ вызывается не только перечисленными его чертами, но и невиннымъ страданіемъ за Церковь.

Поэтому Никонъ былъ въ правѣ написать на крестахъ: „Никонъ Божіей милостью патріархъ, поставилъ сей крестъ Господень, будучи въ заточеніи за слово Божіе и за Святую Церковь, на Бѣлоозерѣ, въ Өерапонтовомъ монастырѣ, въ тюрьмѣ". Его невинныя страданія привлекали къ нему еще большую любовь народа, и свидѣтельствомъ ея явилось уже посмертное почитаніе его гробницы, сопровождаемое постоянными панихидами.

Любовь Никона къ юродивымъ.

Извѣстно, какъ велико въ народѣ почитаніе юродивыхъ, какъ несущихъ высшій подвигъ сораспятія Христу, и мы видимъ, какъ почиталъ ихъ Никонъ. Павелъ Алепскій рассказываетъ: (II, 301) „Патріархъ Никонъ садилъ съ собой за столомъ нѣкоего Салоса, добродѣтельнаго человека, который совершенно голый (въ одной рубашкѣ) ходитъ постоянно по улицамъ и почитается народомъ сверхъ всякой мѣры, какъ выдающійся святой. Его имя — Киприанъ, но обычно его зовутъ человекомъ Божіимъ. Патріархъ Никонъ нико-

гда не переставалъ кормить его собственными руками и поить его изъ серебрянныхъ кубковъ, изъ которыхъ послѣ него онъ самъ выпивалъ собственными губами послѣднія капли, какъ дѣлаетъ это за литургіей; мы не чувствовали ногъ отъ изумленія".

Стойкость Никона въ своихъ убѣжденіяхъ и неустрашимость.

Еще одной чертой пріобрѣталь Никонъ сердце народа — необыкновенной стойкостью и неустрашимостью въ исповѣданіи своихъ убѣжденій. Такимъ мы его видимъ въ санѣ Новгородскаго Митрополита, когда онъ во время бунта выходитъ къ толпѣ и послѣ избіенія, едва ли не стоившаго Никону жизни, онъ послѣ кровотоčenja горломъ, тутъ же отправляется въ церковь и, призывая рядовыхъ бунтовщиковъ къ покаянію, анаѳематствуетъ главарей. Такимъ онъ былъ всю жизнь въ борьбѣ противъ цезарепапизма, и онъ самъ опредѣлилъ свое положеніе, сказавъ послѣ низверженія изъ сана 12 декабря 1666 г., что съ нимъ ничего этого не случилось бы, если бы онъ не говорилъ правды въ глаза и пировалъ бы съ боярами. И много раньше еще во время Новгородскаго бунта сами бунтовщики покаявшіеся назвали его исповѣдникомъ, и царское письмо, присланное Никону въ Новгородъ, совершенно также характеризовало подвигъ Никона по усмиренію бунта (IV, 486).

У Никона чисто русскій подходъ къ православію.

Хотя Никонъ говорилъ про себя въ эпоху проведенія церковной обрядовой реформы 1654-1656 г. что онъ русскій по рожденію, но по вѣрѣ грекъ, однако мы должны сказать, что Никонъ съ чисто русской горячностью проводилъ реформы и воплощалъ наилучшимъ образомъ русскій подходъ къ христіанству, воспринимая его по преимуществу не какъ совокупность извѣстныхъ догматическихъ истинъ, а какъ систему религіозно нравственныхъ правилъ жизни, какъ нравственно животворящую силу. Идея грѣха, за которой неминуемо слѣдуетъ рано или поздно расплата, идея — вошедшая въ народное сознание, — проходитъ красной чертой черезъ все Никоновское міросозерцаніе и окрашиваетъ его воззрѣнія на власть православнаго Царя и на ея осуществленіе. Такое воззрѣніе зоветъ къ практическому переустройству всей жизни, не только личной, но и общественной государственной на христіанскихъ началахъ. Борясь за возможность канонически управлять Церковью, Никонъ вѣрилъ абсолютно, что, хотя гнѣвъ Царя подобенъ рычанію льва, приводящему въ ужасъ, но для того, кто готовъ скорѣе умереть, чѣмъ допустить нарушеніе цер-

ковныхъ каноновъ, онъ считаль, что этотъ левъ меньше самой малой собаки. „Ибо нѣтъ ничего безвластнѣе человѣка, нападающаго на Божіи законы, и нѣтъ ничего сильнѣе человѣка, борющагося за эти законы. Ибо совершающій грѣхъ есть рабъ грѣха, хотя бы онъ имѣлъ 1000 коронъ на своей головѣ, но борющійся за правду больше самого царя, хотя бы онъ былъ послѣдній изъ всѣхъ". И, какъ примѣръ борьбы для священнослужителя, Никонъ выставялъ священника Азарію, заявившаго протестъ противъ кажденія царемъ Озіей. Этимъ протестомъ кончилась обязанность священника, и ему оставалось только сказать: „я сдѣлалъ свое дѣло, больше я ничего не могу. Ты, Боже, защити священство, попранное ногами, ибо Твои законы нарушены, Твои приказы презрѣны". Такой же системы держался самъ Никонъ, и его лояльность къ Царю, когда онъ могъ бы прибѣгнуть къ услугамъ недовольныхъ классовъ общества для своего освобожденія, показываетъ, что отъ этой системы онъ никогда не отступаль.

Въ 1663 г., когда пріѣзжало слѣдствіе по дѣлу о проклинаніи Никономъ Царя, Никонъ выражалъ покорность принять безъ всякаго протеста несправедливый, домашній арестъ и сказалъ въ отвѣтъ на приказъ князя Одоевскаго никуда не выходить изъ келіи кромѣ церкви: „по Указу великаго Государя Царя я готовъ идти въ тюрьму, только послушай третье правило Константинопольскаго Собора въ Св. Софіи: Если свѣтскій человѣкъ бросаетъ Епископа въ тюрьму, да будетъ анаѳема". И когда ему объявили, что по царскому приказу отрядъ стрѣльцовъ будетъ его охранять, то онъ сказалъ: „да будетъ государева воля. Мы готовы страдать съ благодарностью ради Господа" (IV, 489 и 491).

Уходъ Никона въ Воскресенскій монастырь — выраженіе не бездѣтельности, а дѣтельности высшаго напряженія.

Его уходъ отъ власти былъ уходомъ отъ зла цезарепапизма и является апогеемъ напряженія его дѣтельности. Этотъ кажущійся переходъ къ бездѣтельности былъ дѣтельностью высшаго напряженія, дѣлающей Никона великимъ человѣкомъ, исповѣдавшимъ въ жизни своей идею самостоятельнаго церковнаго управленія, не подавленнаго государственной властью, и ставитъ его по идеѣ въ одинъ рядъ съ такими дѣтелями Церкви, какъ Св. Іоаннъ Златоустъ, Св. Папа Григорій Двоесловъ и Св. Ѳеодоръ Студитъ.

Идея грѣха — идея центральная въ міросозерцаніи Никона. Онъ расцѣпляетъ историческія событія съ религіозно-нравственной точки зрѣнія.

Въ соотвѣтствіи съ главной идеей освященія обязанности всеобщаго устремленія къ святости, Никонъ во главу оцѣнки и пониманія историческихъ событій ставитъ идею грѣха. Мы видѣли при обзорѣ ученія о царской власти, что эта идея является центральной. Никонъ постоянно ссылается на то, что неблагочестіе Царей было причиной гибели царствъ, и въ неблагочестіи Царя и боярь, выражающемся въ ихъ подчиненіи себѣ Церкви, онъ видитъ угрозу для самого государства. Онъ ссылается на то, что чума и несчастія въ войнѣ есть слѣдствіе этого грѣха, и въ будущемъ надо ждать того же. Возмездіе за грѣхъ неизбѣжно, и съ этой точки зрѣнія должно наступить возмездіе за принятіе Царемъ на себя церковнаго верховенства и за самочинное предоставленіе имъ церковной власти Питириму. Но это возмездіе не обязательно наступаетъ немедленно. Богъ отмститъ за все въ день суда по слову „Мнѣ отмщеніе и Азъ воздамъ“. Слово Его непреложно, и, если въ этомъ мірѣ за проклятіемъ тотчасъ не наступаетъ возмездіе, то тѣмъ еще хуже, ибо еще большее наказаніе ждетъ впереди. И Никонъ говорилъ о карѣ за клятвопреступленіе, когда онъ напоминаетъ о томъ, что Царь и бояре нарушили данную ему клятву передъ принятіемъ имъ патріаршества, когда говоритъ, что и Епископы по человѣкоугодничеству подчинились, вопреки клятвѣ при хиротоніи, на церковныхъ дѣлахъ не Патріарху, а Царю и викарію Царя Митрополиту Питириму. На этомъ основномъ воззрѣніи основаны и всѣ предсказанія Никона. Никонъ пишетъ Зюзину 29 іюня 1662 года о своихъ предостереженіяхъ Царю за захватъ власти черезъ монастырскій приказъ надъ его монастырями, о наказаніяхъ, которыя поражаютъ гордецовъ, нарушающихъ Божіи завѣты въ лицѣ фараона, людей Содомскихъ, Даѳана, Авирона, Іероваама, Ахава, Навуходоносора и др. и говоритъ, что надъ нимъ посмѣялись, а слово его исполнилось въ страшномъ пожарѣ, разрушившемъ царскій дворецъ.

Пальмеръ объ осуществленіи Никоновскихъ предсказаній и проклятій.

Пальмеръ съ своей стороны развиваетъ Никоновскую идею возмездія при проклятіи и говоритъ, что всѣ его предсказанія сбылись. Такъ предсказаніе его 19 декабря 1664 г. при Матвѣевѣ и Долгорукомъ, что комета снесетъ Москву, исполнилось не только въ томъ смыслѣ, что сопровождавшій его бояринъ Димитрій Алекс. Долгорукій и стрѣлецкій полковникъ Матвѣевъ получили свое на-

казаніе (первый въ лицѣ убитаго стрѣльцами на томъ же мѣстѣ его брата Юлія съ сыномъ, а второй лично былъ разорванъ въ куски стрѣльцами въ 1681 г.), но и въ томъ, что наказаніе коснулось и Царя, и его дома, и Епископовъ и боярства, и самой Москвы. Эти наказанія Пальмеръ видитъ въ цѣломъ рядѣ событій и проводитъ интересную параллель. Онъ устанавливаетъ этотъ рядъ событій въ параллелизмѣ грѣхамъ Царя, бывшаго несчастнымъ въ личной жизни и потерпѣвшимъ въ государствѣ великія потрясенія.

1) Окончаніе почитанія Царемъ Никона въ 1658 году, 8 мая 1659 г. умираетъ его 4 лѣтняя дочь Анна, крестница Патріарха.

2) Послѣ принятія церковнаго верховенства Царемъ въ 1658 г., Трубецкой потерпѣлъ страшнѣйшее пораженіе подъ Конотопомъ съ потерей черезъ татарскій плѣнъ цвѣта Московской конницы.

3) Послѣ созыва лжесобора 1660 г. пораженіе въ Литвѣ князя Хованскаго, Юрія и Петра Долгорукихъ 18 іюня и 10 октября того же года.

4) Сдача всей Московской арміи подъ начальствомъ Шереметева полякамъ и татарамъ подъ Чудновымъ на Волыни 23 октября 1660 г.

5) Разочарованіе Царя въ честолюбивыхъ надеждахъ 1656 г. на войну съ Швеціей, когда онъ хотѣлъ по мирному соглашенію получить корону польскую и литовскую, а вмѣсто того пришлось въ Кардисѣ 21 іюня 1661 г. вернуть все Швеціи и продолжать неудачно войну съ Польшей.

6) Послѣ посвященія Меѳодія въ предѣлахъ Константинопольскаго патріархата новое пораженіе Хованскаго при Кушликахъ осенью 1661 г., потеря Гродно, Могилева и Вильны, такъ что къ концу 1661 г. эвакуирована вся Литва кромѣ Быкова.

7) Послѣ принятія царемъ Паисія Лигарида весной 1662 г. безъ канонической грамоты — бунтъ въ іюлѣ 1662 г. изъ-за обезцѣненія мѣдныхъ денегъ, вслѣдствіе жадности и лихоимства Ильи и Данилы Милославскихъ и его племянника Ивана Михайловича.

8) Послѣ привоза двухъ Патріарховъ въ Москву для низложенія Никона разочарованіе въ войнѣ съ необходимостью уступить всю казачью страну къ западу отъ Днѣпра и всю Литву для полученія мира съ Польшей (Андрусовъ миръ 20 января 1667).

9) Большіе пожары въ Москвѣ 1668 г. жители ея считали наказаніемъ за низложеніе Никона, какъ писалъ польскій посолъ въ Варшаву.

10) Вслѣдствіе мира съ Польшей не только казаки правобережья уступлены Польшѣ, но и лѣвобережные отдались Турецкому султану. Вслѣдствіе измѣны въ 1668 г. гетмана Брюховецкаго русскіе потеряли огромные военные матеріалы и армію, такъ что по полученіи этихъ извѣстій въ Москвѣ послѣдовалъ трехдневный трауръ, какъ бываетъ при величайшихъ несчастіяхъ: Царь даже захворалъ и 8 дней не выходилъ.

11) Разочарованіе Царя въ надеждахъ получить польскую корону для себя и для сына. Въ 1668 г. лучъ надежды блеснулъ вторично (первый разъ въ 1656 г.) вслѣдствіе отреченія Польскаго Короля Іоанна Казимира, но южныя неудачи похоронили эту идею. Еще разъ блеснула надежда послѣ смерти Цесаревича Алексѣя въ 1673 г. до избранія Іоанна Собѣскаго въ 1674 г.

12) Послѣ примиренія личнаго съ Никономъ, но безъ намѣренія передѣлать несправедливо сдѣланное съ Никономъ, смерть Царицы Маріи Ильинишны третьяго—четвертаго января 1669 г. вслѣдствіе родовъ дочери Евдокіи, умершей черезъ 4 дня послѣ рожденія.

13) Смерть третьяго сына 4 хъ лѣтъ Симеона въ Іюль 1669 г. Патріархъ Іерусалимскій Досифей соболѣзновалъ Царю въ потерѣ Царицы осенью 1669 г. въ отвѣтъ на просьбу Царя о прощеніи Паисія Лигарида.

14) Потеря наслѣдника престола Царевича Алексѣя въ 1670 г. накануне его совершеннолѣтія послѣ чего, у Царя осталось только два больныхъ сына: Ѳеодоръ 8-ми лѣтъ и Іоаннъ 4-хъ лѣтъ.

15) Возстаніе Стеньки Разина (1667—1671) съ потерей 2 хъ воеводъ Ивана Прозоровскаго и Симеона Львова и Митрополита Іосифа и ста тысячъ жителей на Волгѣ.

16) Взятіе Каменецъ Подольска въ 1672 году турами у поляковъ и заключеніе съ ними мира на основѣ платежа дани султану и помощи противъ Россіи.

17) Широкой ростъ раскола и осада Соловецкаго монастыря съ 1667 до 1776 г.

18) Разочарованіе отъ казацкихъ возстаній и измѣнъ (Выговскаго въ 1658, Юрія Хмѣльницкаго въ 1660 и Брюховецкаго въ 1667 г.).

19) Даже Соловьевъ неблагосклонный къ Никону, говоритъ, что ничто не было такъ невыгодно для Царя Алексѣя, какъ то, что „разрывъ его съ Патріархомъ раздѣлилъ его вниманіе какъ разъ тогда, когда иностранныя дѣла требовали всего его вниманія и дѣятельности и сдѣлалъ невозможнымъ для него отъѣздъ изъ Москвы". Если бы Царь

сохранилъ свои обязательства къ Никону въ отношеніи дѣлъ церковныхъ, то онъ имѣлъ бы въ Никонѣ слугу-совѣтника безпримѣрныхъ способностей и въ государственныхъ дѣлахъ, человекъ, говоритъ **Пальмеръ**, генія силы воли и характера, не менѣе одареннаго по природѣ, чѣмъ тотъ богатырь, который былъ исполнителемъ проклятія въ ближайшемъ поколѣннн, человекъ одинаково способнаго бороться съ невѣжествомъ своего вѣка, одинаково расположеннаго къ нововведеніямъ, реформѣ и просвѣщенію, только исходящему отъ принциповъ христіанской вѣры, а не принциповъ матеріалистическихъ и языческаго патріотизма. Достаточно видѣть, что Царь могъ быть на войнѣ 1654—1656 г.г. и парализовать неблагопріятныя слѣдствія боярскаго мѣстничества благодаря Никону, который въ тылу завѣдывалъ всѣмъ внутреннимъ управленіемъ, боролся съ чумой и снабжалъ армію.

20) Если въ теченіе послѣднихъ 18 лѣтъ своей жизни Царь Алексѣй Михайловичъ долженъ былъ чувствовать, что онъ былъ своимъ собственнымъ врагомъ, лишая себя услугъ Никона для своего семейства, двора и управленія, то особенно онъ долженъ былъ почувствовать, когда оказался на 47 году жизни на смертномъ одрѣ.

Его наслѣднику было 15 лѣтъ и предстояла боярская опека; ему менѣе было бы безпокойства, если бы его другъ, спасшій семью его отъ чумы въ свое время, былъ бы у власти.

21) Царь Алексѣй оставилъ вдовой молодую жену, младшую, чѣмъ его старшая дочь изъ всѣхъ его дѣтей отъ перваго брака, съ тремя малолѣтними дѣтьми. Но проклятіе Никона, выраженное противъ Боборыкина, призывавшее безпомощное сиротство, невольно касалось и Царя и теперь пришло. Царь предвидѣлъ борьбу двухъ семей при физической слабости Θεодора и явной неспособности Ивана. Если бы былъ Никонъ, все прошло бы иначе. И многіе были бы на другихъ мѣстахъ: „Нащокинъ былъ бы на царской службѣ, и Матвѣевъ не былъ бы въ ссылкѣ" (V, 904—911). Въ дополненіе несчастій и династія Царя кончилась въ 3-мъ мужскомъ поколѣннн въ лицѣ Петра II и можно было вспомнить слова Никона въ концѣ одного засѣданія суда сказанныя Царю: „Кровь моя и общій грѣхъ на твоей головѣ, Царь".

Петръ I названъ Пальмеромъ исполнителемъ проклятія, ибо онъ содѣйствовалъ прекращенію династіи сыноубійствомъ, онъ же лишилъ боярство государственнаго значенія, и онъ свелъ епископаты на подчиненное государству неканоническое положеніе, лишившее его

самостоятельнаго церковнаго строительства и приведшее его къ положенію государственнаго чиновничества.

Никонъ, охраняя церковную культуру въ старой Руси, опережаетъ ее въ своемъ отношеніи къ образованію съ одной стороны и въ возстановленіи святоотеческихъ идей съ другой.

Никонъ стоялъ на почвѣ старой Россіи съ унаслѣдованной Церковной культурой, лежавшей въ основѣ и государственнаго строительства въ той формѣ, въ которую облекала его теорія симфоніи властей. Церковный идеаль жизни завершаемый аскетическимъ идеаломъ иночества, проникалъ всѣ отношенія, и въ этомъ отношеніи Никонъ былъ продолжателемъ старой Россіи, которую онъ стремился дѣлать возможно болѣе святой, развивая и углубляя лишь прежнія отношенія. Но въ одномъ отношеніи онъ безконечно опередилъ своихъ современниковъ, и потому то содержаніе, которое онъ вливалъ въ прежнее строительство, было инымъ. Это особенно видно не только на той борьбѣ, которую онъ велъ противъ цезарепапизма, во имя святоотеческой постановки соотношенія властей, но и на отношеніи его къ образованію.

Взгляды Аввакума на образованіе, на русскіе обряды, на греческое православіе. Критерій истины у него въ русскихъ современныхъ ему формахъ православія.

Въ этомъ отношеніи Никонъ не имѣлъ того узкаго взгляда, которымъ проникнуть типичный представитель старой Руси — Аввакумъ. Послѣдній просто отрицалъ науку. „Ты ищешь, говоритъ Аввакумъ Артамону Матвѣеву, высшей науки, а я прошу у Христа моего поклонами и слезами, и мнѣ кое общеніе яко свѣту со тьмою, или Христу съ Веліаромъ. Узкія представленія о святости и недостатокъ научнаго образованія привели Аввакума къ убѣжденію, что только въ русскихъ книгахъ церковныхъ все сказано богомудро и богодухновенно. Онъ не допускалъ ничтожнѣйшихъ перемѣнъ въ языкѣ, въ родѣ измѣненія „въ имя" на „во имя". Потому, когда въ пятидесятницу 1654 года Никонъ отмѣнилъ 12 земныхъ поклоновъ и установилъ трехкратное знаменіе, то это произвело тягостное впечатлѣніе на Аввакума, и онъ такъ передавалъ о впечатлѣніи: „Мы (Аввакумъ, Нероновъ, Павель Коломенскій, Даніиль) сошедшися задумалися между собой; видимъ яко зима хоцетъ быти, сердце озябло и ноги задрожали". Рѣзкая брань противъ Никоновскихъ перемѣнъ гремѣла по Москвѣ, когда бояре вернули Аввакума въ 1664 г. изъ ссылки: „Видишь-ли, Никоніанинъ, что вы дѣлаете надъ одной просфорой, куде-

сите, дырь 300 навертите. Охъ, собаки. Перемѣнили преданіе Св. Отець и 5 просфоръ вмѣсто 7 возлюбили. Обрядъ приравненъ къ догмату, и потому исправленіе никакое недопустимо. Все русское, принятое на Стоглавомъ соборѣ, было на вѣки канонизировано, а греческія разности обрядовыя признаны порчею отъ турокъ. Аввакумъ отвѣчалъ на допросѣ Восточнымъ Патріархамъ: „у васъ православіе пестро отъ нашествія турскаго Магомета, немощни есте стали и впредь пріѣзжайте къ намъ учиться; у насъ благодати Божіей самодержство, до Никона отступника въ нашей Россіи у благочестивыхъ Князей и Царей было православіе чисто и непорочно, и Церковь немятежная и первые наши пастыри, какъ двумя перстами крестились, такъ и другимъ повелѣвали. Патріархи задумались, рассказываетъ Аввакумъ, и наши что волченки завыли, облевать стали на отцовъ своихъ говоря: не смыслили наши святые; не ученые де люди были, чему имъ вѣрить? Они де грамоты не умѣли. О, Боже Святой. Какъ претерпѣ святыхъ Своихъ толикая досажденія? Мнѣ бѣдному горько стало, а дѣлать нечего: побранилъ ихъ сколько могъ и послѣднее слово рекъ: чистъ азъ есмь и прахъ отъ ногъ своихъ отрясаю передъ вами". Аввакумъ отвергъ авторитетъ самой Церкви во имя пристрастія къ современнымъ ему формамъ; такое умонастроеніе съ признаніемъ современной русской формы и обряда критеріемъ для всякой другой формы и обряда, какъ единственно правильной, и создавали расколъ съ его нетерпимостью къ малѣйшему измѣненію даже въ правописаніи словъ, Идея измѣняемости и постепеннаго развитія обряда ему была чужда, и для него непонятно было то явленіе, что обрядъ могъ измѣняться, лишь бы мысль, связываемая съ обрядомъ, не была еретической. На этомъ основаніи первоначальное единоперстіе при перстосложеніи было правильно, поскольку съ нимъ связывалась мысль о единствѣ Бога, правильно было и двоеперстіе, поскольку съ нимъ связывалась мысль о двухъ природахъ во Іисусѣ Христѣ, правильно и троеперстіе, поскольку съ нимъ связывается мысль о триипостасности Божества. Аввакуму непонятна перемена въ обрядахъ: „Христось живетъ въ Церкви и не даетъ ей погрѣшить не то, что въ догматахъ, но и малѣйшей чертѣ канонѣ и пѣсней". Онъ отказывается повиноваться мудрѣйшимъ въ письмѣ къ Плещееву, ибо „отъ нихъ утаилъ Богъ тайны благодати Своей и открылъ ихъ младенцамъ — неученымъ людямъ: спасается міръ черезъ вѣрныхъ, а не черезъ мудрѣйшихъ. Мудрѣйшіе отступили, говорятъ, что блудили Отцы наши въ церковныхъ догматахъ и много времени Церковь была

въ погруженіи, а теперъ они умудрились исправлять, слѣдовательно, не вѣрятъ слову Христову о непогрѣшимости Церкви и являются хулителями Бога и Церкви". Такая точка зрѣнія грозила полнымъ прекращеніемъ церковнаго развитія и въ корнѣ противорѣчила тому ученію о вещахъ существенныхъ и несущественныхъ, предоставленныхъ на волю отдѣльныхъ Церквей, которое развивалъ Патріархъ Паисій въ посланіи къ Никону въ 1654 году, когда тотъ обратился къ нему съ запросомъ. Аввакумъ восхваляетъ святую простоту, противопологая ее суетной мудрости внѣшней, такъ какъ вѣра потребна ко спасенію, а не реторики и грамматики, „чистое сердце, а не философское киченіе", подъ коимъ разумѣются греки и малороссы, которыхъ именуешь песьими сынами. Приведя примѣры, какъ неученые люди благодаря смиренномудрію и стойкости въ вѣрѣ побѣждали ученыхъ, риторовъ и философовъ, Аввакумъ пишетъ Царю: „и мы, Михайлычъ, станемъ поучатися, какъ намъ умерети и умъ вперимъ Богу всегда, да полезнѣе намъ будетъ тамо, егда обрящемся со Христомъ, нежели въ риторикѣ славы ища, быти кромѣ Христа, молю Бога ввечери и утро и полудни еже бы тебѣ нежелати реторики киченія ради, но искати распятаго Христа". (Раскольники такимъ образомъ отстаивали то же не русскую праведность, какъ таковую, а ее, какъ носительницу совершеннаго православія).

Отношеніе Никона къ русскимъ обрядамъ и чинамъ, до знакомства съ пріезжими греками и послѣ.

Никонъ иначе относился къ наукѣ и иначе сталъ смотрѣть на обряды, еще будучи Патріархомъ; чловѣкъ старообрядческой психологіи, почитающій обрядъ какъ догматъ, не разрѣшилъ бы служить да еще въ Успенскомъ Соборѣ по обоимъ служебникамъ, какъ разрѣшилъ Никонъ Неронову въ январѣ 1657 года, сказавъ: „обои де хороши: по какимъ хочешь по тѣмъ и служи". Вѣдь, Никонъ самъ вышелъ изъ одного кружка ревнителей благочестія, созданнаго царскимъ духовникомъ Стефаномъ для борьбы съ разными церковными безпорядками, господствующими пороками и недостатками въ жизни народа и духовенства, для наблюденія за правильнымъ выполненіемъ Богослужебнаго чина; тѣмъ самымъ передъ ними всѣми всталъ вопросъ о книжномъ исправленіи. Повидимому, и Никонъ сначала скептически относился къ грекамъ, ибо до насъ дошли слова Нерова къ Никону: „Да ты же, святитель, иноземцевъ законоположенія хвалишь и обычаи ихъ пріемлешь, благовѣрными и благочестивыми радѣтелями ихъ нарицаешь, а мы прежде всего у тебя же слышали,

много разъ говариваль ты намъ, гречане де и малороссы потеряли вѣру и крѣпость, да и добрыхъ нравовъ у нихъ нѣтъ, покой де и честь ихъ прельстили, и своимъ де грѣхамъ работаютъ, а постоянства въ нихъ не объявилось и благочестія нимало. А нынѣ они у тебя и святые люди и законоучители?" (Знаменскій. Иоаннъ Нероновъ Пр. Соб. 1869, 1). Такъ и Никонъ стоялъ сначала на одной почвѣ въ отношеніи къ русскимъ чинамъ и обрядамъ, но послѣ, подъ вліяніемъ пріѣзжихъ грековъ — Патріарха Паисія, бывшаго Патріарха Афанасія Пателяра, царскаго духовника Стефана Вонифатьева, онъ перемѣнилъ отношеніе къ греческимъ обрядамъ и рѣшилъ проводить церковно-обрядовую реформу, въ которой инициатива, какъ показано Каптеревымъ, была вовсе не его; согласившись ее проводить, онъ проводилъ ее съ авторитетомъ Патріарха, съ энергіей ему свойственной во всякомъ дѣлѣ. Въ официальной мотивировкѣ въ предисловіи къ служебнику 1655 г. однако говорится о томъ, что самъ Никонъ, прочитавъ при занятіяхъ въ патріаршей библіотекѣ акты о введеніи патріаршества въ Россіи, прочелъ о необходимости согласовать обряды съ обрядами Церкви-Матери и воспылалъ ревностью въ ихъ проведеніи. Намъ не занимаетъ спеціальнй вопросъ объ исправленіи книгъ, самъ по себѣ обширный и требующій особаго вниманія, но намъ интересуеть онъ, лишь поскольку онъ является характеристикой отношеній Никона къ обряду и церковной наукѣ. Интересно то, что Никонъ пошелъ охотно по тому пути провѣрки книгъ, который указываль, какъ на авторитетъ, на книги древнія славянскія и греческія, что онъ не посмотрѣлъ на свою русскую старину, какъ на авторитетъ, не требующій провѣрки, **что онъ обратилъ взоръ на другія Церкви восточныя, которыя являются частями той же вселенской Церкви; онъ вышелъ такимъ образомъ за предѣлы чисто Московскаго православія и напомнилъ о томъ, что оно есть лишь часть единой Вселенской Церкви, а не вся Церковь.**

Въ какомъ смыслѣ Никонъ хотѣлъ сдѣлать Москву III Римомъ?

Гордое заявленіе Суханова, что все благочестіе перешло отъ грековъ къ русскимъ, и что дѣйствительный Патріархъ въ сущности одинъ только Московскій, было ему чуждо; напротивъ, свѣтъ ученія онъ искалъ на Востокѣ и, если хотѣлъ сдѣлать Москву центромъ православія, Третьимъ Римомъ въ этомъ смыслѣ, что подсказывалось историческимъ значеніемъ Москвы, какъ единственнаго въ то время независимаго православнаго царства, то видѣлъ въ этомъ не осущ-

ствленный уже фактъ, а задачу, подлежащую достиженію. Для этого надо было пересадить самое средоточіе науки въ Москву, чтобы здѣсь было все лучшее: не только святыни, перевозившіяся съ востока еще ранѣе, но и школы, и монастыри, и библіотеки, и ученыхъ, и иконопись и пѣніе, и книги, и типографіи (которыхъ на востокъ уже не было при туркахъ, и книги печатались въ Венеціи¹; такимъ образомъ по своему внутреннему содержанию Москва стала бы соответствовать и своему внѣшнему положенію столицы единственнаго православнаго царства, имѣющаго во главѣ и Царя, и Патріарха — опоры всего Православія. Мнѣніе о трехъ Римахъ, вѣдь, перешло и въ официальные документы; оно утверждалось и раскольничьими писателями со ссылками на старца Филофея XV вѣка и связывалось даже съ мыслью о близкой кончинѣ міра (у діакона Θεодора „Матеріалы по исторіи Раскола“, VI). Мысль о томъ, что Москва призвана имѣть значеніе Рима, подготовлена уже всей предшествующей эпохой послѣ Флорентійскаго Собора. О томъ, что русское патріаршество призвано встать на мѣсто патріаршества древняго Рима толкуетъ и „Извѣстіе объ учрежденіи Патріаршества въ Россіи“, вошедшее въ Кормчую, которое вмѣстѣ съ статьей „о Римскомъ отпаденіи“ и „Константиновой грамотой“ включается Никономъ въ составъ Кормчей, какъ официально признанная идея. Однако, если у раскольниковъ эта мысль превращалась въ идею о томъ, что Москва уже достигла этого, то у Никона она является идеей, подлежащей осуществленію. Мы видимъ, что у Никона церковная идея, какъ и у раскольниковъ, является превалирующей и опредѣляющей направленіе въ развитіи государства, но средства для этого у Никона болѣе широкія.

Отношеніе Никона къ наукѣ. Его библіотека.

У Никона нѣтъ національнаго самопревознесенія и Аввакумовскаго сознанія, что русскимъ нечему болѣе учиться. Наука въ этомъ призывается играть большую роль, и уваженіе къ ней Никона, въ противоположность Аввакуму, видно уже изъ его библіотеки, имъ составленной. Въ этой библіотекѣ первое мѣсто принадлежитъ святоотеческимъ твореніямъ. Изъ этой библіотеки мы узнаемъ и тѣ источники, которыми питался Никонъ, когда составлялъ „Раззореніе“. Его ученіе объ отношеніи власти государственной и церковной такъ

¹ Со вступленіемъ Никона на патріаршество, печатный дворъ перешелъ изъ вѣдѣнія государственныхъ учреждений въ распоряженіе Патріарха, и тамъ была развита огромная дѣятельность по изданію исправленныхъ книгъ.

сильно пропитано учением Златоуста; его учение о защите Церковью своих прав, проведенное им в жизнь, так напоминает борьбу Θεодора Студита со ссылками на папу Григория Двоеслова и Иоанна Дамаскина, а его учение о смирении вдохновлялось творениями Аввы Дорофея. Такое заключение наше подтверждается и одной росписью книг, взятых Никоном из Иверскаго монастыря в Воскресенской, когда он там жил. Вот эта роспись, отмѣченная в V т. Русской Исторической библиотеки за № 255: „Роспись Пречистой Богородицы Иверскаго монастыря образамъ Божиимъ и книгамъ и сосудамъ серебрянымъ и инымъ вещамъ, что изъ Иверскаго монастыря бывший Патріархъ Никонъ взялъ въ прошлыхъ годахъ къ себѣ въ Воскресенской и Крестный монастыри. Книги Θεодора Студита въ кожаномъ переплетѣ, книги Григорія Солунскаго, книги Сенадинъ письменный, книги Иоанна Дамаскина, книги Иоанна Златоуста о священствѣ, печать Кіевская обложена кожею красною. Книга Бесѣды и Толкованій Иоанна Златоуста, 10 книгъ Аввы Дорофея, книги Апостоль, Книга Октоихъ". Но еще в бытность Патріархомъ Никонъ составилъ личную библиотеку, въ которую входило до 1300 томовъ. Въ нее входили и священныя, и свѣтскія книги. Среди первыхъ кромѣ рукописныхъ книгъ каноническаго содержанія были сочиненія знаменитыхъ Отцовъ Церкви, изданныя въ западныхъ типографіяхъ на греческомъ и латинскомъ языкахъ (Діонисій Ареопагитъ, Юстинъ Философъ, Григорій Чудотворецъ. Климентъ Александрійскій, Кириллъ Іерусалимскій, Афанасій Великій, Василій Великій, Григорій Богословъ, Иоаннъ Златоустъ, Григорій Нисскій, Кириллъ Александрійскій и др.), церковно-историческія книги на греческомъ и латинскомъ языкахъ (Акты соборовъ Вселенскихъ и Помѣстныхъ, Исторія Евсевія Кессарійскаго, Никифора Каллиста, Исторія Флорентійскаго Собора и пр.). Среди книгъ свѣтскихъ были Плутархъ, Демосѣенъ, Геродотъ, Страбонъ, Аристотель, Византійскія хроники; съ востока привезено было 498 рукописей изъ разныхъ монастырей. (Изъ перечней Домовой Казны перечислено у Иконникова „Новые Труды и матеріалы о Патріархѣ Никонѣ". Кіевскія Университетскія Извѣстія 1888 г. № 6). Вмѣстѣ съ этими книгами были книги по физикѣ, географіи, грамматикѣ, логикѣ, космографіи, разные лексиконы, карты. Никонъ сознавалъ важность библиотеки. Въ имѣвшейся у него космографіи объяснены системы Птолемея и Коперника, между тѣмъ какъ еще послѣ Петра многіе считали послѣдняго богохульникомъ, — имѣлись описанія Европейскихъ го-

сударствъ, Азіи, Африки и Америки, сказанія иностранцевъ о Россіи. Пекарскій полагаетъ, что до Никона соборное дѣяніе 1593 объ учрежденіи патріаршества въ Россіи не было переведено на славянскій языкъ. Митрополитъ Макарій (XII, 280) говоритъ о Никонѣ: „Никонъ самъ не зная въ дѣтствѣ другой школы, кромѣ первоначальной, не обучался другимъ языкамъ и наукамъ, кромѣ славянской грамоты и письма, но при своемъ свѣтломъ умѣ онъ понималъ значеніе наукъ и научнаго образования и потребность знанія для русскихъ греческаго языка“.

Любознательность Никона. Его дѣятельность по устройству монастырей и дѣятельнаго монашества.

Арсеній Грекъ, завѣдывавшій Никоновской библіотекой, говоритъ, что Никонъ зналъ немного греческій языкъ который изучалъ, по словамъ Павла Алеппскаго (II, 36), въ бытность Патріархомъ, но что онъ всегда держалъ при себѣ людей, знающихъ греческій языкъ. Самъ Никонъ изучалъ, будучи Патріархомъ докторскую книгу — переводъ, сдѣланный Епифаніемъ Славенецкимъ въ маѣ 1657 г. за 10 руб., полученныхъ имъ по Расходной книгѣ Патріаршаго Казеннаго Приказа, и по ней впослѣдствіи Никонъ составлялъ лѣкарства и лѣчилъ въ ссылкѣ въ Терапонтовомъ монастырѣ. Припомнимъ, что въ Воскресенскомъ монастырѣ, незадолго до суда онъ заказалъ въ Иверскомъ монастырѣ себѣ сдѣлать переводъ Польской Исторіи. Никонъ былъ очень любознателенъ, никогда не упорствовалъ въ разъ принятомъ имъ мнѣніи, когда убѣждался въ его ошибочности. Такъ мы можемъ вспомнить, что онъ призналъ, что совершалъ дѣйствія Ваій въ бытность Новгородскимъ Митрополитомъ по ошибкѣ, ибо это надлежитъ дѣлать только Патріарху; онъ нисколько не возражалъ, когда ему указывали, что повтореніе хиротоніи при поставленіи въ Патріархи недопустимо, что достаточно хиротесіи, но только ссылался на обычай, не имъ заведенный. О себѣ самомъ онъ говоритъ въ „Раззореніи“, что онъ всегда нетерпѣливъ, что „онъ мало ученъ, невѣжественъ, только всегда желалъ учиться и исправить то, что онъ сдѣлалъ неправильно“. Такъ онъ говорилъ о своей второй епископской хиротоніи, о своемъ участіи въ качествѣ Митрополита въ церемоніи въ недѣлю Ваій. Про подпись свою подъ Уложеніемъ онъ не говорилъ, что сдѣлалъ по невѣдѣнію, а что былъ подавленъ авторитетомъ Патріарха, что вполне естественно при централизаціи церковнаго управленія, явившейся въ результатѣ историческихъ условій. Никонъ шелъ далеко впереди своихъ предшественниковъ.

Еще Митрополитомъ онъ заводитъ въ Хутынскомъ монастырѣ типографію, въ Москвѣ онъ устраиваетъ училище съ древними языками, приближаетъ къ себѣ южнорусскихъ ученыхъ, грековъ; когда онъ строить Иверскій монастырь, онъ переводитъ туда изъ Бѣлоруссіи Оршанскаго Кутеинскаго монастыря типографію вмѣстѣ со старцами; одни изъ нихъ напечатали нѣсколько книгъ съ гравюрами на деревѣ своей работы; нѣкоторые переводили на русскій языкъ литовско-польскія хроники и другія книги (Историч. библ. V, № 205, 278, 279, 283, 284). Нѣкоторые изъ нихъ работали въ переплетной мастерской (№ 274, 275, 289); здѣсь производилась и рѣзба по дереву (№ 162, 172), о чемъ свидѣтельствуется кивотъ на перенесенную съ Аѳона Чудотворную Икону Иверской Божіей Матери и алтарикъ для отдѣльныхъ и сборныхъ иконъ на паперти Иверскаго монастыря; здѣсь процвѣтало и изразцовое дѣло (8, 62, 82, 121 ст. 2, 331, 342, 356, 363, 364, 366, 431), приложенное Никономъ въ широкихъ размѣрахъ къ внѣшнему и внутреннему украшенію новоустроеннаго въ Воскресенскомъ монастырѣ храма по Іерусалимскому образцу. Памятникомъ усердія и вкуса Никона и русскаго зодчества XVII вѣка является соборъ Иверскаго монастыря построенный подмастерьемъ каменныхъ дѣлъ Аверкіемъ Матвѣевымъ при надзорѣ пристава Андрея Токмачева.

Увлеченіе Никона всѣмъ греческимъ въ началѣ патріаршества и нападки на него старообрядцевъ.

Никонъ, правда, не ограничился исправленіемъ русскихъ церковныхъ обрядовъ и чиновъ по греческимъ, но въ увлеченіи всѣмъ греческимъ пошелъ дальше. Каптеревъ пишетъ: „Онъ переноситъ къ намъ греческіе амвоны, архіерейскіе посохи, клобуки, мантии, греческіе церковные напѣвы, принимаетъ греческихъ живописцевъ, мастеровъ серебрянаго дѣла, строить по образцу греческихъ монастырей. Слушаетъ во всемъ грековъ, отдавая предпочтеніе греческому авторитету передъ вѣковой русской стариной. Это его приводило къ столкновенію съ почитателями русской старины, и идейное и личное. До патріаршества Никонъ, какъ мы говорили, принадлежалъ къ числу членовъ кружка ревнителей благочестія, во главѣ котораго былъ царскій духовникъ Вонифатьевъ. Они имѣли большое вліяніе даже при размѣщеніи епископскихъ каѳедръ; они же прочили въ Патріархи Вонифатьева, но за его отказомъ остановились на Никонѣ". Когда Никонъ приступилъ къ реформамъ по греческому образцу, то онъ отвернулся отъ нихъ, пересталъ съ ними

совѣтываться и вызвалъ сѣтованія и Аввакума, и Неронова. Первый говорилъ: „егда поставили Патріархомъ его, такъ друзей не сталь и въ Крестовую пускать. А Нероновъ: „доселѣ ты другъ намъ былъ". Самъ Царь оказался въ ихъ глазахъ прельщеннымъ отъ Никона-еретика и отступника. Для нихъ неприемлемы были греческія симпатіи. Они жили подъ обаяніемъ „Повѣсти о бѣломъ клобукѣ", гдѣ писалось, что всѣ христіанскія Церкви сольются въ одно русское православіе и, что патріаршій чинъ отъ Константинополя будетъ данъ русской землѣ во времена свои и будутъ послѣдніе первыми, а первые послѣдними (Мак. XI, 158). Въ глазахъ старообрядцевъ греки уже потеряли право на первенство вслѣдствіе уклоненія отъ истиннаго благочестія, а русскіе уже достигли своей цѣли. Сюда, въ Москву стекались съ востока духовные всѣхъ чиновъ и привѣтствовали Россію, какъ опору и покровительницу Вселенскаго православія. Самы представители греческой іерархіи указывали на миссію Московскаго Патріарха въ Константинополь, какъ мы видѣли изъ посланій къ Царю при прощаніи отъ бывш. Патріарха Афанасія Пателяра. Это мнѣніе поддерживалось и тѣми наблюденіями нашихъ путешественниковъ на востокѣ надъ обрядами и способами богопочитанія, сводившимися къ признанію религіознаго, умственного и нравственнаго упадка грековъ, которыхъ Крижаничъ ставилъ на ряду съ жидами, цыганами и армянами.

Разочарованіе Никона въ греческихъ представителяхъ.

Повидимому, и самъ Никонъ нѣсколько поздно убѣдился въ нравственномъ паденіи грековъ на дѣлѣ ихъ суда надъ нимъ, когда онъ увидѣлъ фальсификацію въ правилахъ и испыталъ нечестивый ихъ подкупной судъ надъ собой, и самъ далъ характеристику имъ, когда 12 декабря 1666 г. Александрійскій Патріархъ снялъ съ него панагію и клобукъ сказалъ поученіе какъ жить надо: „Знаю де я и безъ вашего поученія какъ жить, а что де клобукъ и панагію сняли, и они бѣ съ клобука жемчугъ и панагію раздѣлили по себѣ, а достанетца де жемчугу золотниковъ по 5 и по 6 и больше и золотыхъ по 10". Это былъ приговоръ о грекахъ Патріархахъ самого Никона, нѣкогда увлекавшагося всѣмъ греческимъ.

Никонъ взялъ съ Востока все, что ему доставало.

Нравственная сторона грековъ была осуждена безповоротно въ глазахъ всѣхъ, особенно, когда удостовѣрились, что греки Патріархи были низложенные, а Лигаридъ — руководитель дѣла, даже не пра-

вославный. Никонъ взялъ съ Востока все, чего ему не хватало. Не надо забывать, что православіе у грековъ нисколько не было поколеблено ни Флорентійской Уніей, ни Турецкимъ господствомъ. Флорентійская Унія не была принята греческимъ народомъ и осталась вождельніемъ Императоровъ и Патріарховъ изъ политическихъ соображеній, чтобы имѣть помощь Папы противъ турокъ. Турки же не вмѣшивались вовсе во внутреннюю сторону христіанской вѣры, отъ нихъ далекой, и предстоятелямъ ея Патріархамъ предоставляли даже гражданскія права надъ населеніемъ. Никонъ посылалъ на Востокъ Суханова и за древними книгами, которыхъ тотъ сотнями собралъ на Аѳонѣ, посылалъ туда его же за изученіемъ образцовъ зодчества, какъ передъ тѣмъ посылалъ его Царь (1649 г.) за изученіемъ чиновъ и обрядовъ церковныхъ.

Стремленіе Никона насаждать просвѣщеніе.

Никонъ выписывалъ въ Москву изъ Малороссіи ученыхъ монаховъ для обученія юношества наукамъ и переводовъ душеспасительныхъ книгъ съ греческаго языка. Подъ его вліяніемъ богатый бояринъ Ѡ. М. Ртищевъ устроилъ на берегу Москвы рѣки у церкви Св. Апостола Андрея монастырь во Имя Преображенія Господня. Соединяя воспоминаніе о первомъ началѣ Евангельской проповѣди въ Россіи съ мыслью о преобращеніи ея Евангельскимъ ученіемъ, онъ уговорилъ Царя выписать изъ Кіева Арсенія Сатановскаго и Дамаскина Птицкаго „Божественнаго Писанія вѣдующихъ и Эллинскому языку навичныхъ и съ Эллинскаго языка на Славянскую рѣчь перевести умѣющихъ и Латинскую рѣчь достаточно знающихъ". Епифаній Славинецкій долженъ былъ исправить славянскій переводъ Библии по переводу LXX толковниковъ, хотя этого не успѣлъ сдѣлать (Епифаній умеръ 19 ноября 1676 года). Тогда же впервые увидѣла свѣтъ „Скрижаль", гдѣ находились объясненія на литургію и ученія о таинствахъ, и этотъ переводъ показываетъ, насколько Никонъ заботился о распространеніи углубленнаго пониманія христіанскаго ученія и не ограничивался обрядовымъ механизмомъ; были переведены многія слова Григорія Богослова, Афанасія Великаго, Василія Великаго, Іоанна Дамаскина, тексты полнаго собранія церковныхъ правилъ и даже, въ сокращеніи, Властыря и Арменопула. Составили службы Св. Іакову Боровицкому, Аннѣ Кашинской. Подъ руководствомъ кіевскихъ ученыхъ образовались наши иноки Евфимій и Моисей. Самъ Никонъ стремился къ распространенію образованія

черезъ архипастырей на мѣстахъ. Въ этомъ отношеніи онъ выполнялъ завѣтъ Собора 1593 г. объ учрежденіи патріаршества. Никонъ требовалъ отъ нихъ наученія народа, „особенно отрочать Христовымъ заповѣдямъ, чтенію, доброголасному и согласному пѣнію по преданію Св. Церкви учить и наказывать, избирая на сіе учителей въ благихъ свидѣтельствующихъ и Богобоязненныхъ и сея ради вины, якоже лѣпо училища поставляти и никому же отъ неискуемыхъ и нелѣпотныхъ наказателей въ нихъ даяти дерзновеніе". Задача была поставлена, но осуществлена много позднѣе: первое училище было устроено Св. Дмитріемъ Ростовскимъ въ 1703 г. Какъ далеку былъ Никонъ отъ прежней выраженной Аввакумомъ старообрядческой точки зрѣнія: „Эллинскихъ борзостей не текохъ ни риторскихъ астрономовъ не читахъ, ни съ мудрыми философами въ бесѣдѣ не бывахъ, — учусь я книгамъ благодатнаго закона; азъ бо есмь умомъ грубъ и словомъ невѣжа, не бывавши ми въ Аѳинахъ отъ юности; но еще и неучень словомъ, но не разумомъ; не учень діалектикѣ, риторикѣ и философіи, а разумъ Христовъ въ себѣ имамъ". Такъ говорилъ Аввакумъ.

Поощреніе Никономъ развитія церковнаго искусства.

Никонъ покровительствовалъ церковному зодчеству и живописи. По словамъ Павла Алеппскаго, при его дворѣ были свои художники и ремесленники. Въ Воскресенскій монастырь онъ призывалъ и иностранныхъ мастеровъ; тамъ онъ завелъ цѣлыя мастерскія, откуда потомъ доставалъ цѣнныхъ мастеровъ.

Никонъ обращалъ большое вниманіе на внѣшнее украшеніе храмовъ; онъ великолѣпно украсилъ храмъ Св. Софіи въ Новгородѣ и церковь Св. Никиты, Епископа Новгородскаго въ Москвѣ при Новгородскомъ подворьѣ. Сдѣлавшись Патріархомъ, онъ украсилъ Успенскій соборъ и устроилъ иконостасъ, въ которомъ Деисусъ и иконы обложены были чеканнымъ серебромъ съ позолотой. Никонъ любилъ украшать вообще иконы драгоценными металлами и камнями, равно какъ и облаченія, которыми блистала подобно Аарону. Ради улучшенія иконописи, онъ вызывалъ въ Москву лучшихъ иконописцевъ для писанія въ стилѣ строго Византійскомъ, бывшемъ да не го очень жалкимъ подражаніемъ греческой живописи; многіе изъ нихъ содержались при патріаршемъ дворѣ. Никонъ слѣдилъ за строгимъ выполненіемъ стилия, въ окружной грамотѣ требовалъ отъ всѣхъ иконописцевъ писать по древнимъ преданіямъ Восточной Церкви и

боролся съ уклоненіемъ Строгановской школы иконописи къ Фряжскому стилю. Онъ отбиралъ такія иконы, присовокупляя объявленіе, что за это будетъ строжайшее наказаніе. Однажды онъ собралъ ихъ и въ церкви вмѣстѣ съ Антиохійскимъ Патріархомъ Макаріемъ объявилъ отлученіе на тѣхъ, кто будетъ такъ писать. Писаніе на иконахъ изображеній въ современныхъ одеждахъ съ приближеніемъ вообще иконы къ картинѣ не соотвѣтствовало древнему преданію.

Заботы Никона объ улучшеніи церковнаго пѣнія.

Никонъ ввелъ благолѣпіе и въ церковномъ Богослуженіи. Онъ еще Митрополитомъ ввелъ у себя единогогласіе, выписалъ изъ Кіева знатоковъ греческаго и Кіевскаго напѣвовъ и партеснаго пѣнія и поручилъ имъ обучать своихъ пѣвчихъ. Шушеринъ пишетъ: „Преосвященный Митрополитъ Никонъ первѣе повелѣ въ соборной Церкви греческое и кіевское пѣніе пѣти и правеліе имъ прилежанія до пѣнія, и на славу прибравъ клиросы предивными пѣвчими и гласы преизбранными, пѣніе одушевленное паче органа бездушнаго. И таковаго пѣнія, яко же у Митрополита Никона, ни у кого не было" (Стр. 21). По слову Митрополита Никона Царь созвалъ въ 1651 г. Соборъ для установленія по всей Россіи единогогласнаго пѣнія, чему воспротивился Соборъ 1649 г. Будучи Патріархомъ, Никонъ уже всюду требовалъ введенія установленнаго имъ порядка пѣнія и чтенія, побуждая къ тому епархіальныхъ Архіереевъ. Никонъ запрашивалъ объ этомъ Патріарха Константинопольскаго, и тотъ прислалъ одобрительную грамоту и іеродіакона Мелетія для обученія греческому пѣнію московскихъ дьяковъ и поддьяковъ. Изслѣдователь церковнаго пѣнія въ Россіи Мезенць пишетъ: „Трудами Патріарха Никона пѣніе и знаніе распространились отъ Великаго Новгорода во всѣ грады и монастыри великороссійскихъ епархій во всѣ предѣлы ихъ". (Михайловскій). Никонъ любилъ не только церковную музыку. Объ его любви къ музыкѣ свидѣтельствуется книга: Michnewitsch. „Geschichte der Musik in Russland". St. Peterburg, 1879 и Abhandlungen von Brücken in der St. Peterburg Kalendar auf das Jahr 1880, о которомъ поминаетъ Брюнкеръ въ сочиненіи „Geschichte Russlands bis zum Ende des 18 Jahrhunderts" (I, 564): „Wenn schon der patriarch Nikon auf einen so heiklen Gebiete wie demjenigen des Kirchengesanges bei seinen Reformen Italienische Muster der Musik aufhelfen wollte, so mögen manche Boyaren im Essen und Trinken in Wohnung und sonstiger Lebensweise

sehr gern bei den Westeuropäern in die Schule gegangen sein".¹ Видно, Никонъ готовъ былъ все доброе брать изъ Европы въ дѣлѣ наукъ и искусствъ, но въ дѣлахъ вѣры отстаивалъ Православіе отъ чуждыхъ вліяній.

Суммарное перечисленіе того, что сдѣлалъ и стремился сдѣлать Никонъ въ дѣлѣ просвѣщенія и въ искусствѣ, показываетъ, что стремленіе къ истинѣ и красотѣ у него было такъ же неослабно, какъ и стремленіе къ добру. Никонъ цѣнилъ просвѣщеніе во всѣхъ его видахъ, одухотворяя его высшимъ идеаломъ Церкви, стараясь преобразить земную юдоль человѣчества въ пріобщеніи къ безсмертнымъ цѣнностямъ.

Отличіе Никона отъ Петра въ отношеніи къ западной культурѣ.

То, что сдѣлалъ Петръ, толкая Россію на просвѣтительный путь, дѣлалъ и Никонъ, не прибѣгая для этого, однако, къ привитію иныхъ философскихъ взглядовъ и иной культуры. Оставляя Россію въ отношеніи къ идеаламъ на церковномъ пути, Никонъ не уничтожилъ бы, а увеличилъ бы значеніе Церкви въ русскомъ строительствѣ, пріобщая Россію одновременно къ плодамъ Западной цивилизаціи. Онъ противился этой цивилизаціи только, поскольку она вредила чистотѣ православныхъ взглядовъ: такъ не допускалъ введенія органовъ и иконъ латинскаго письма. Въ этомъ отношеніи онъ былъ рѣзокъ до грубости, и извѣстно, что онъ самъ лично въ Церкви собралъ эти иконы и бросалъ ихъ ударяя объ полъ, приговаривая, у кого та, или другая икона найдена.

Любовь Никона къ отечественной исторіи.

Не желая отставать отъ вѣка въ просвѣщеніи, Никонъ любилъ исторію родной земли и историческую традицію, и памятникомъ этой любви помимо постоянныхъ ссылокъ на завѣты исторіи въ „Раззореніи" является лѣтопись, внесенная имъ въ сокровищницу Воскресенскаго монастыря 1661 г. До насъ дошли обширные лѣтописные сборники съ собственноручными надписями Никона (Иконниковъ Ів.); между прочимъ на лѣтописи, внесенной имъ въ Воскресенскій монастырь, значилась надпись: „Лѣта 7169 (1660—1661 г.) сію книгу положилъ въ домъ святаго живоноснаго Воскресе-

¹ „Если уже Патріархъ Никонъ хотѣлъ воспользоваться при своей реформѣ въ столь деликатной области, какъ церковное пѣніе, образцами не только Византійскими, но и итальянскими, то иные бояре готовы были въ ѣдѣ, питьѣ, въ жилищѣ и иныхъ житейскихъ проявленіяхъ быта, видѣть въ западной Европѣ школу для себя".

ня Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, Новаго Іерусалима, смиренный Никонъ Божіей милостью Патріархъ. А кто восхоцетъ ю усвоити, якоже Ахаръ, сынъ Харміевъ или утаитъ яко же Ананія и Сапфира, да отыметъ отъ него Господь Богъ Святую Свою Милость и да затворитъ двери святыхъ щедротъ Своихъ, и да пріидетъ на него не благословеніе, а клятва и казнь Божія душевная и тѣлесная въ нынѣшнемъ вѣцѣ и въ будущемъ вѣчная мука. А кто сіе писаніе какимъ злымъ умышленіемъ испишетъ отъ книги сея, да испишетъ его имя Господь Богъ отъ книги животныя". Михайловскій говоритъ, что Никонъ могъ начать составленіе лѣтописи еще въ Новгородѣ. Источникомъ для Никоновой лѣтописи могла служить лѣтопись Софійской Новгородской бібліотеки; по дополненіямъ своимъ, языку в внутреннему направленію мыслей она сходна съ „Раззореніемъ" Никона.

Завѣты Патріарха Никона. Его путь культуры.

Не забудемъ, что Никонъ былъ Патріархомъ только 6 лѣтъ, а правителемъ государства только 2 ½ года; онъ не могъ сдѣлать все, что хотѣлъ: но онъ указалъ на историческія задачи Россіи по присоединенію Малороссіи и Бѣлоруссіи и къ выходу на Балтійское море и къ защитѣ Православія въ Ингрии и Кареліи. Въ церковной же сферѣ онъ вывелъ Московскую Русь изъ изолированности среди Православныхъ Церквей и своей обрядовой реформой приблизилъ ее къ другимъ помѣстнымъ Православнымъ Церквамъ, напомнилъ объ единствѣ Церкви при помѣстномъ раздѣленіи, подготовилъ каноническое объединеніе Великоруссіи съ Малороссіей, оживилъ жизнь Церкви, сдѣлавъ доступнымъ народу творенія ея отцевъ и, объяснивъ ея чины, работалъ надъ измѣненіемъ нравовъ духовенства, старался преобразить государственную жизнь, одухотворяя ее высшими цѣлями оцерковленія, дѣлалъ то, чтобы симфонія государства и Церкви была бы предметомъ осуществленія въ жизни, а не только теоретическимъ принципомъ, чтобы Русь была святою въ смыслѣ вѣчнаго стремленія къ идеалу недостижимому, самое стремленіе къ которому однако пріобщаетъ человѣчество къ высшимъ цѣнностямъ міра и ставитъ передъ человѣчествомъ идеаль истинны, добра и красоты, какъ вѣчную путеводную звѣзду. Никону не суждено было сдѣлать все, что онъ хотѣлъ въ многотрудныхъ условіяхъ русскаго государственнаго быта. Но самыя его несчастья и незаслуженныя страданія въ ссылкѣ напоминаютъ, что онъ жертвовалъ собой ради вѣчныхъ идеаловъ. Его путь культуры былъ не тотъ, которымъ пошла

послѣ него Россія, отбросившая въ лицѣ Петра I высшіе идеалы и понизившая ихъ до уровня утилитаризма во всѣхъ сферахъ жизни, утилитаризма и языческаго патріотизма, забывшаго тотъ идеаль святости и красоты, который потенціонально живетъ въ народѣ, какъ нѣкій неистребимый идеаль, осуществляемый въ отдѣльныхъ личностяхъ, но уже не составлявшій со времянь Петра души государственнаго строительства. Выражаясь на государственномъ языкѣ на смѣну теоріи симфоніи пришла теорія просвѣщеннаго абсолютизма съ его культомъ государства ради государства.

Прообразъ судьбы Никона и его дѣла въ исторіи съ соловьемъ.

Такой быстрый расцвѣтъ въ лицѣ Никона идеи строительства жизни въ духѣ теоріи симфоніи властей и быстрое его искусственное прекращеніе посредствомъ насильственнаго устраненія Никона во имя боярскаго самолюбія и властолюбія, при внутреннемъ ничтожествѣ его враговъ, имѣетъ свой символическій прообразъ въ жизни Никона.

Мы воспользуемся этимъ прообразомъ, ибо онъ иллюстрируетъ нашу мысль о судьбѣ Никоновскаго идеала съ одной стороны, а съ другой стороны показываетъ, что исторія эта взволновала самага Никона, и онъ самъ увидѣлъ въ ней прообразъ своей личной судьбы. Мы же хотимъ въ немъ отмѣтить не только судьбу его личную, но и его дѣла на землѣ. Это — извѣстная исторія съ соловьемъ, влетѣвшимъ въ храмъ Иверскаго монастыря, сѣвшимъ на патріаршее мѣсто и пропѣвшимъ чудную пѣснь. Соловей однако былъ схваченъ грубыми руками и оказался мертвъ. Это было 20 мая 1666 г. Когда Никонъ узналъ объ этомъ, онъ сильно обезпокоился и потребовалъ отъ архимандрита Иверскаго монастыря подробнаго объясненія о томъ, какъ все случилось. Въ актахъ Иверскаго монастыря осталась переписка между Никономъ и архимандритомъ Филофеемъ, которая и объясняетъ подробности, которыя могутъ быть аллегорическимъ изображеніемъ судьбы Никона. А послѣ мы укажемъ на крушеніе остальныхъ Никоновскихъ идей въ царствованіе Петра, и это будетъ иллюстраціей дѣйствительной судьбы его дѣла. Одновременно мы увидимъ на этомъ краткомъ обзорѣ идей, какъ бы противопоставленныхъ Никону, какъ онъ своими идеалами предотвращалъ то идейное крушеніе, въ результатѣ котораго изъ государственнаго строительства Россіи въ нѣкоторомъ смыслѣ выбыла одна изъ самыхъ мощныхъ

силъ народа — Русская Православная Церковь. Вотъ эти грамоты, которыми обмѣнялись Никонъ и архимандритъ.

Соловей въ Иверскомъ монастырѣ.

**Грамота Патріарха Никона архимандриту Филофею
съ требованіемъ увѣдомленія о соловьѣ,
залетѣвшемъ въ монастырскую соборную церковь.**

Случилось происшествіе 20 мая 1666 г.

„Никонъ, Божіею милостію Патріархъ нашего строенія Пречистыя Богородицы Иверскаго монастыря архимандриту Филофею, намѣстнику іеромонаху Паисію, строителю Евфимію съ братіей. Вѣдомо намъ, великому господину, учинилось: въ нынѣшнемъ де во 174 году, мая въ 20 день, въ нашемъ строеніи въ Иверскомъ монастырѣ въ Соборную и Апостольскую Церковь влетѣлъ де соловей, и сѣлъ на нашемъ, великаго господина мѣстѣ и пѣлъ дивно, и то де многая братья слышала и тебѣ, архимандриту и намѣстнику о такомъ дѣлѣ извѣстили, и какъ де онъ пѣлъ, и то де слышали ты архимандритъ и намѣстникъ и братья многая, и того де соловья, взявъ съ нашего мѣста пономарь и отдалъ тебѣ архимандриту, и тотъ де соловей у тебя архимандрита умеръ въ рукахъ. И вы то дѣло поставили себѣ въ оплошку и къ намъ великому господину о такомъ дѣлѣ не писали; да и объ всякихъ дѣлахъ ничего николи не пишете. И какъ къ вамъ сія наша, великаго господина, грамота придетъ, и вамъ бы о томъ дѣлѣ къ намъ, великому господину, отписать, не замолчавъ ни часу обо всемъ подробно: какъ той соловей появился въ церкви, и въ какое время и въ коемъ часу, и какъ было и на нашемъ, великаго господина, мѣстѣ тотъ соловей пѣлъ, и сидѣлъ на коемъ мѣстѣ, и кто прежь его осмотрѣлъ и кто его прежь отдалъ тебѣ архимандриту, и какъ ты его принялъ и долго ли у тебя онъ былъ въ рукахъ и пѣлъ на какой переводъ? Приказный Евстафій Глумиловъ.

Писано въ нашемъ строеніи Новаго Іерусалима Воскресенскаго монастыря, 174 г. іюня въ 7 день”.

Отписка Архимандрита Филофея Патріарху Никону на вышеприведенную грамоту.

„Великому Господину, Святѣйшему Никону Патріарху. Твоего великаго господина строенія Пречистыя Богородицы твои архиманд-

ритель Филофей, намѣстникъ іеромонахъ Паисій, строитель Евфимій съ братьей у тебя, милостиваго отца, благословенія просимъ, Бога молимъ и челомъ бьемъ. Въ нынѣшнемъ 174 году іюня въ 23 день въ твоей, великаго господина грамотѣ писалъ къ намъ, богомольцамъ твоимъ, вѣдомо тебѣ, великому господину учинилось: въ нынѣшнемъ де во 174 году, мая въ 20 день, въ твоёмъ, великаго господина, строеніи въ Иверскомъ монастырѣ въ Соборную и Апостольскую Церковь влетѣлъ де соловей, и сѣлъ на твоёмъ, великаго господина, мѣстѣ, и пѣлъ дивно, и то де многая братья и мы богомольцы слышали, и того де соловья взявъ съ твоего святительскаго мѣста пономарь и отдалъ мнѣ, архимандриту, и тотъ де соловей у меня, архимандрита умеръ въ рукахъ, и намъ бы о томъ къ тебѣ, великому господину, отписать, не замолчавъ, обо всемъ подробну. — И мая въ 20 число, въ шестую недѣлю по Пасцѣ въ соборной церкви на утрени, на второмъ чтеніи, пошелъ изъ церкви въ притворъ сѣверными дверьми дьяконъ Варсонофій, и въ сѣверныхъ де дверяхъ летить ему встрѣчу птица, и тотъ дьяконъ чаялъ, что нетопырь летить и учалъ на нее махать и въ церковь не пускать, и та де птица мимо его пролетѣла и черезъ братью, которые сидѣли подлѣ дверей полетѣла вверхъ черезъ деисусы въ алтарь. И какъ начали пѣть степенную пѣснь, первый антифонъ, и въ олтари на горнемъ мѣстѣ на окнѣ сѣдя прежь почаль посвистывать по обычаю, и защокоталъ, и запѣлъ, и пропѣлъ трижды, и то пѣніе мы, богомольцы твои архимандрить и намѣстникъ и строитель и братія слышали. И пришедъ пономарь возвѣстилъ мнѣ архимандриту, и намѣстнику, что поеть во олтари, и мы пошли въ алтарь его смотрѣть, и тотъ соловей учалъ въ окнѣ летать и биться вонъ. И приставя лѣстницу послали малаго и велѣли его бережно поимать, и клѣтку приготовили во что посадить, и той малый учалъ его хватать и поималъ руками живого, и посадилъ въ шапку и, сошедъ съ лѣстницы принесъ ко мнѣ архимандриту, и я его изъ шапки вынялъ мертваго. А естли бы живъ былъ и мы хотѣли послать его къ тебѣ, великому господину, простой своей и не писали, что онъ умеръ, и послать некого. И о семъ у тебя, милостиваго отца, прощенія просимъ, что о томъ соловѣ простотой своей къ тебѣ, милостивому отцу не писали".

Патріархъ взглянулъ на это происшествіе, какъ на предвѣстіе ожидавшей его судьбы, и церковныя событія конца того же 1666 г. не замедлили оправдать его предчувствія во всей силѣ: спустя шесть мѣсяцевъ послѣ происшествія, Патріархъ Никонъ, подобно Иверско-

му соловью, пропѣвъ на Соборѣ 1666 г. трикраты свою лебединую пѣснь, впалъ въ руки враговъ своихъ, былъ сосланъ ими въ заточенье, долго томился въ немъ и напоследокъ, хотя и достался въ дружелюбныя руки своего царственнаго крестника, но прибылъ къ нему уже „мертвымъ" и возвеличенъ подобающей честью лишь въ погребеніи и поминовеніи.

Акты эти найдены въ архивѣ Иверскаго монастыря и напечатаны въ V т. Исторической Библіотеки (Изд.: Археограф. Ком. 1878 года).